

**ГВАРДЕЙСКАЯ
ШЕСТИ -
ОРДЕНОНОСНАЯ**

За образцовое выполнение заданий командования в боях за Берлин.

За успешное форсирование реки Шпрее, овладение 12 городами (в числе их — Котбус, Лукенвальде). Во время этих боев из неволи было освобождено более 16 тысяч советских и иностранных военнопленных.

За героизм, смелость и настойчивость, проявленные в боях на Сандомирском плацдарме.

За форсирование реки Нейсе и активное участие в разгроме сильнейшей оппелънской группировки противника.

За овладение городами Ратибор и Бискау и уничтожение ратиборской группировки врага, которая пыталась прорваться в глубь Германии.

За активное участие в освобождении города Львова.

ГВАРДЕЙСКАЯ ШЕСТИ- ОРДЕНОНОСНАЯ

ЭПИЗОДЫ БОЕВОГО ПУТИ
29-й ГВАРДЕЙСКОЙ
УНЕЧСКОЙ
МОТОСТРЕЛКОВОЙ
БРИГАДЫ

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1978

В ряду воинских частей и соединений, отличившихся на полях сражений Великой Отечественной войны, почетное место принадлежит 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригаде, входившей в состав Уральского добровольческого танкового корпуса. Это соединение Советской Армии награждено в те суровые годы шестью орденами.

Авторы книги — ветераны 29-й Унечской — рассказывают о боевом пути своей прославленной бригады, о том, как живут и трудятся гвардейцы сегодня.

Общественная редколлегия — члены совета ветеранов Уральского добровольческого танкового корпуса
**Н. И. Абрамов, А. П. Байбарин,
А. К. Бердников, В. С. Вайнер,
А. В. Волковинский, Г. Я. Туранин,
А. А. Шапкин.**

Абрамов Н. И. Помощник начальника штаба бригады. После войны — начальник отдела Свердловского облвоенкомата. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, дважды — орденом Красной Звезды, медалями. Сейчас — гвардии подполковник в отставке. Ведет активную общественную работу, собрал богатый материал по истории Уральского танкового корпуса.

Анисимова Р. А. Служила в бригаде с первых дней ее формирования: инструктором политотдела, затем корреспондентом корпусной газеты «Доброволец». Награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями. После войны — преподаватель вуза. Умерла в 1977 году.

Байбарин А. П. Минометчик, затем служил в отделе артиллерийского снабжения бригады. Награжден орденом Красной Звезды, тремя медалями. После войны был на партийной и советской работе. Сейчас — персональный пенсионер, руководитель Пермской секции совета ветеранов Уральского добровольческого танкового корпуса.

Баркан А. З. Начальник штаба Пермского мотострелкового батальона. Награжден орденами Александра Невского, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. После войны — преподаватель средней школы. Умер в 1977 году.

Бердников А. К. Пулеметчик, затем помощник командира пулеметного взвода. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. После войны окончил Высшую партийную школу. Работал инструктором Пермского обкома КПСС. Сейчас возглавляет один из отделов Пермского горисполкома.

Вайнер В. С. Инструктор политотдела бригады. Награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Вевер С. А. Заместитель командира Пермского мотострелкового батальона. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями. Умер в 1976 году.

Гилев И. Д. Снайпер. Награжден орденом Славы III степени, медалями. После тяжелого ранения окончил Пермский педагогический институт, преподавал в школах. Сейчас — директор учебно-производственного предприятия слепых в городе Березниках.

Глушков И. С. Начальник вещевого снабжения бригады. Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. Сейчас — на пенсии.

Дзык В. К. Помощник командира взвода, затем комсорг Пермского мотострелкового батальона. Служил в Советской Армии до 1960 года. Сейчас работает в Управлении культуры Хмельницкого облисполкома.

Дозорцев Ф. И. Командир роты, затем — Пермского мотострелкового батальона. Герой Советского Союза. Награжден также двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

Касимов Г. Ш. Санинструктор, затем автоматчик разведроты. Награжден медалями. Сейчас — на пенсии.

Косарев А. П. Возглавлял разведку бригады, а перед Берлинской и Пражской операциями — ее штаб. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями. После войны окончил юридический институт, стал кандидатом наук.

Митягин В. А. Артиллерист, затем командир огневого взвода Ревдинской батареи, приданной Пермскому мотострелковому батальону. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной

войны I и II степени, Красной Звезды, в послевоенное время — медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть».

Олинец И. П. Автоматчик. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. После войны работал учителем. Сейчас — на пенсии.

Поляков Б. А. Помощник начальника арснабжения бригады. Награжден медалями. После демобилизации работает преподавателем.

Пурвинский В. В. Командир роты автоматчиков. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями. Трудящиеся города Унеча, в освобождении которого Пурвинский принимал участие, избрали его почетным гражданином. Сейчас — пенсионер.

Рычков С. Е. Автоматчик. Награжден медалями. После войны вернулся в Березники, снова работал аппаратчиком на азотно-туковом заводе. Сейчас — на пенсии.

Силин М. Г. Был связистом, радистом, автоматчиком, снайпером. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы III степени, медалями. После войны жил в городе Оханске, работал в инспекции Госстраха. Умер в 1976 году.

Туров И. В. Автоматчик. Награжден медалями. После войны работал в тресте Комипермлес. Ныне — пенсионер.

Чирков И. Л. Пулеметчик. Награжден орденом Славы III степени. После демобилизации работал в органах Министерства внутренних дел. Умер в 1976 году.

Шутов И. Л. Парторг батальона. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями. После войны вернулся к профессии горняка. За самоотверженный труд награжден орденом Ленина. Умер в 1977 году.

③

Рассказ о нашем соединении, о боевых моих соратниках начну со знаменательной для нас и для всего советского народа даты.

5 августа 1943 года. Этот день и в тылу и на фронте стал праздничным от залпов артиллерийского салюта, впервые с начала войны прогремевшего в честь освободителей Орла и Белгорода.

В числе соединений, доблести и мужеству которых благодарно салютовала Родина, была и наша, 30-я мотострелковая бригада. Здесь, на земле Орловщины, она приняла славное боевое крещение и заслужила звание гвардейской.

Солдаты мотострелковой... Многие из них сохранились в памяти на всю жизнь. До сих пор стоят перед моими глазами Григорий Акимович Шаркий и его сын Виктор, Георгий Титович Феофилактов с женой Феклой Сидоровной, Виктор Савон, Семен Борисов, Иван Смирнягин, Василий Митягин... Сотни отважных добровольцев с Урала.

Помню, как они прибывали к местам формирования корпуса: машиностроители Перми, Свердловска, Челябинска, Александровска; металлурги Нижнего Тагила, Магнитогорска, Серова, Кушвы; шахтеры Кизела, Губахи, Копейска, Карпинска, Березников; бумажники Соликамска, Краснокамска, Новой Ляли; комбайнеры и трактористы из колхо-

зов и совхозов, вчерашние студенты и школьники. Мало кто из них держал прежде в руках боевое оружие. В минуту грозной для Родины опасности все они по зову Коммунистической партии и по велению сердца встали в ряды защитников социалистического Отечества.

Мне, бывшему вальцовщику, были близки и понятны характеры и нравы земляков, их самоотверженность в труде, изобретательность и мастерство, готовность преодолеть любые трудности. А в те тяжкие для нашей страны дни было трудно повсюду — в тылу и на фронте, в бою и в ученье.

Военное время сокращало сроки. Прибывшие в корпус занимались по двенадцать — шестнадцать часов в сутки. Изучали оружие, уставы, наставления. Учились стрелять, окапываться, взаимодействовать с другими родами войск. Совершали продолжительные марши. И так каждый день, с раннего утра до поздней ночи. Но мы, командиры и начальники, не слышали ни жалоб, ни сетований на невзгоды тяжелых армейских будней.

Личный состав бригады с нетерпением ждал приказа об отправке на фронт, на передовую. И вот этот приказ пришел. Первые бои бригада провела на Курско-Орловской огненной дуге, вошедшей в историю Великой Отечественной войны.

Орловщина. Истинно русская, наша советская земля... Большие и малые реки и речки вдоль и поперек изрезали местность. Мы подходили сюда, зная, что в городах и поселках уже больше года хозяйничают фашисты. Подступы к населенным пунктам и таким довольно крупным водным преградам, как реки Орс, Нугрь, Моховице, Орлица,

Лубна, были перекрыты сплошной сетью вражеских укреплений. Здесь, как оказалось, поджидали нас и «сюрпризы»: новые танки с хищными названиями — «тигры» и «пантеры», новые самоходные орудия «фердинанды».

Было очень трудно разворачивать наступательные операции. Местность, по которой могли идти вперед наши части, простреливалась с господствующих высот, занятых врагом. Кругом сплошные минные поля. Накануне наступления прошли дожди. Это очень осложнило обстановку. Вместе с оборонительными сооружениями врага размытые дороги, лощины, овраги, ручьи создавали, на первый взгляд, непроходимую преграду.

Но смять противника и прорвать его глубоко эшелонированную оборону было первой боевой задачей, поставленной перед добровольцами Урала.

Не скрою, нас, штабных работников, командиров частей и подразделений, волновало многое. Смогут ли еще необстрелянные, почти не нюхавшие настоящего пороха солдаты сразу справиться с этой сложнейшей задачей? Как поведут они себя в первом бою?

Взвесив все «за» и «против», мы отбрасывали сомнения. Мы видели: каждый боец понимает, что отныне и он несет знамя освобождения родной земли, что теперь именно он своим подвигом обязан спасти страдающих под фашистским игом советских людей. Ну а в том, что коммунисты и комсомольцы пойдут впереди, уверенность была полнейшая.

Прорыв вражеской обороны начался с форсирования реки Орс. Для переправы годилось все:

своеобразные естественные мосты из высоких прибрежных, поваленных течением, деревьев; лодки, припрятанные местными рыбаками в камышах под берегом; плоты, бревна. Наиболее смелые и решительные бойцы пускались вплавь, рассекая воду мелкими, но быстрыми саженками — самым удобным и целесообразным стилем плавания в обмундировании и при полной выкладке. Основные ударные силы с боевой техникой переправлялись по временным понтонам, наведенным саперами батальона капитана В. И. Семенова и инженерно-минной роты лейтенанта К. С. Жилина.

Первым преодолел реку мотострелковый батальон капитана В. Я. Фирсова и сразу же штурмом овладел населенным пунктом Дулебинским. Одновременно Пермский мотострелковый батальон капитана Я. Д. Гоцуляка выбил противника из деревни Струково.

Гитлеровцы предприняли несколько яростных контратак и ценой больших потерь добились некоторых успехов. Успехи эти оказались временными, ибо наступательный порыв уральцев нарастал. Мы и не думали отдавать отвоеванные у врага позиции.

До сих пор хорошо помню те бои. Жестокие по своему накалу, кровопролитные, но победные. Именно в тех боях я увидел, ощутил, понял, что такое массовый героизм наших воинов, их самоотверженность, их беззаветная любовь к Родине. Не на жизнь, а на смерть сражались с врагом не герои-одиночки. Коллективизм в подвиге был самым грозным оружием.

Война для нас, ее непосредственных участни-

ков, была суровой боевой работой. Храбрости и смелости рядовых, тактическому умению командиров постоянно сопутствовал тщательный точный учет и анализ всего армейского хозяйства, вплоть до патрона и тренчика на солдатском ремне. Вели его в основном мы, штабисты.

Начальники штабов и их помощники на войне — глаза и уши командира. Они должны все знать о противнике, предвидеть его дальнейшие ходы и, учитывая это, планировать последующее течение операции. Главным для нас был анализ фактов и цифр.

Видимо, верный этой военной привычке и придерживаясь объективности, я пользуюсь в своих воспоминаниях цифрами.

Действуя в составе корпуса, бригада за первые 20 дней наступления в июле — августе 1943 года прошла с боями 150 километров, преодолела на своем пути 16 водных преград, освободила 50 населенных пунктов. За это время было уничтожено и взято в плен 4500 вражеских солдат и офицеров, захвачено 24 танка и самоходных установок, 3 батареи шестиствольных минометов, 2 самолета, 68 орудий, 12 складов с боеприпасами и горючим; нанесен значительный урон 9-й и 18-й танковым, 216, 253, 299-й пехотным дивизиям, сводному добровольческому офицерскому батальону и другим подразделениям врага.

Родина достойно оценила подвиг своих мужественных сынов. За отличные боевые действия в Орловской наступательной операции 562 воина бригады были награждены орденами и медалями. Всем частям и соединениям Уральского добровольческого танкового корпуса вручили гвардей-

Уральские добровольцы получают боевую технику на одном из заводов урала.

ские знамена. Наша бригада стала именоваться 29-й гвардейской мотострелковой.

В приказе Верховного Главнокомандующего, посвященном завершению операции под Орлом и Белгородом, говорилось: «Проведенные бои по ликвидации немецкого наступления показали высокую боевую выучку наших войск, непревзой-

денные образцы упорства, стойкости и героизма бойцов и командиров всех родов войск, в том числе артиллеристов и минометчиков, танкистов и летчиков. Таким образом, немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся. Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении».

Так начали вносить свой вклад в победу над фашистской Германией солдаты моей родной бригады. Уже в первых сражениях они доказали, что достойно выполняют наказ трудящихся Урала и клятву, которую дали перед отъездом на фронт.

Отважно била врага уральская мотопехота и во всех последующих боях на пути к Берлину и Праге. В боях не менее жестоких и кровопролитных. Каждый такой бой рождал новые подвиги, новых героев.

Готовясь к наступлению, в частях и соединениях корпуса создавали штурмовые группы и отряды. Личный состав их показывал беспримерную храбрость и мужество. Была сформирована такая группа и в нашей мотострелковой бригаде. Ее бессменным командиром был помощник начальника штаба бригады коммунист А. Х. Ишмухаметов.

Особенно отличился майор Ахмадул Ишмухаметов летом 1944 года. В шестидневных уличных боях за Львов, где, казалось, стрелял не только каждый дом, но каждый выступ на мостовых, он проявил незаурядное мужество и умело управлял действиями батальона. За это ему было при-

своено звание Героя Советского Союза. А вскоре Лысьва встречала своего земляка-героя, которому как дополнительное поощрение командование предоставило отпуск для поездки на родину.

Отличился при освобождении Львова и Пермский мотострелковый батальон гвардии капитана Ф. И. Дозорцева, совместно с другими подразделениями овладевший городским вокзалом. А в 1945 году этот батальон первым преодолел последнюю водную преграду на пути к Берлину — реку Одер. Солдаты выдержали поединок с вставшими на их пути железобетонными вражескими дотами, захватили населенный пункт Дибан. Этого было достаточно, чтобы устремившиеся в прорыв следом за ними другие части корпуса начали бои за расширение захваченного плацдарма.

Рассказ о людях мотострелковой был бы далеко не полным, если не вспомнить о ее командирах и политработниках. Их действия во многом способствовали высокому наступательному порыву в воинских подразделениях.

Бывший инструктор Пермского обкома партии, замполит командира батальона В. Д. Тараканов и парторг батальона И. Л. Шутов всегда находились на самых опасных и трудных участках боя, личным примером воодушевляли минометчиков, призывая их стоять насмерть за родную землю. В критические моменты они выходили вперед и вели за собой наступающие цепи.

В боевых условиях совершенствовал партийно-политическую работу политотдел бригады во главе с подполковником А. Глуховым. Вся эта рабо-

та была подчинена единой цели — победе над врагом.

Гвардейцы бригады стремились всегда и во всем быть похожими на коммунистов и комсомольцев и сами хотели идти в бой коммунистами и комсомольцами. Только за период Львовской и Сандомирской операций было принято в партию 638 человек, в члены ВЛКСМ — 145 и 154 комсомольца получили рекомендации для вступления в партию.

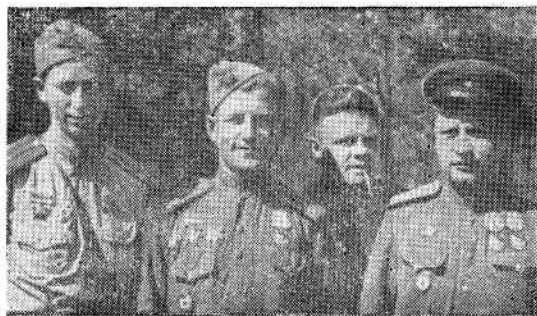
Командиры словом и делом учили солдат воевать, не теряться, оставаясь один на один с врагом, знать свое место в общей массе воинов, во взаимодействии с различными родами войск.

— Взаимная выручка гвардейцев в бою — залог победы, — беспрестанно напоминали политработники этот закон, рожденный в годы Великой Отечественной войны в наших гвардейских войсках.

Нелегко давалась победа. Война отнимала самое драгоценное — людей. Среди тех, память о ком врезалась в сердца бойцов, организатор бригады, ее первый командир полковник М. С. Смирнов.

Кадровый офицер Советской Армии, отдавший ей двадцать лет жизни, один из руководителей Московского военно-политического училища, Михаил Семенович отличался не только безукоризненной военной подтянутостью, но и знанием дела, умением найти верный путь к солдатской душе. Его не просто уважали — любили. К нему шли за советом и помощью, ему подражали.

Под руководством Смирнова бригада одержала первые победы под Орлом, потом в мастер-

Офицеры Пермского мотострелкового батальона (слева направо): начальник штаба батальона А. Баркан, командир минометной батареи П. Шаповал, начальник разведки бригады Г. Серов и командир батальона Ф. Дозорцев.

ски разработанных и проведенных военных операциях на Брянском фронте, в Белорусии и на Проскуровско-Тернопольском направлении.

Каменец-Подольский стал последним боевым рубежом нашего комбрига.

Шли ожесточенные схватки на центральной площади города. Здесь и сразили полковника Смирнова осколки разорвавшейся вблизи бомбы. Оборвалась жизнь верного сына Коммунистической партии, бесстрашного офицера. Командова-

ние бригадой принял начальник опер. штаба корпуса А. Ц. Евринов отряда

Мотострелки беспощадно мстили за смерть любимого командира. А после войны в центре города, на месте гибели М. С. Смирнова, благодарные жители Каменец-Подольского установили ему обелиск и назвали его именем новый рабочий поселок. Стоит там сейчас и памятник танкистам, есть улица Уральская в честь боевых заслуг освободителей и защитников города — смелых сынов Урала.

Погибли при отражении бешеных контратак фашистов на одном из участков Проскуровско-Тернопольского направления начальник штаба бригады полковник Г. Т. Семибратов, офицеры А. А. Ванюхин, С. С. Гришин, Г. Ф. Ошурков, многие солдаты и сержанты, имена которых высечены на обелисках, установленных у станции Волочиск и сахарного завода этого украинского местечка. В районе Сандомира, в полях за польской рекой Вислой, остались навечно лежать гвардии капитан Т. С. Акишев и гвардии майор М. А. Савчук. Пал смертью храбрых командир батареи Н. Глушков, а имя героя, написанное на орудиях, дошло до Берлина и Праги, где закончили войну солдаты 29-й гвардейской добровольческой Унечской шестиорденоносной мотострелковой бригады.

Не счесть могильных холмиков на боевом пути воинов-уральцев. Не однажды пришлось сжимать в руках пилотку над свежей могилой павших товарищей. Но тогда, на фронте, мало было времени для грусти. Эта грусть и печаль выливалась в беспощадную месть фашистам.

Характер солдата мужал и закалялся не только в ожесточенных схватках с завоевателями,

пришедшими на нашу землю. Испытанием человеческих сил — физических и духовных — были и невероятно трудные, стремительные марш-броски в обход врага, чтобы отрезать ему путь к отступлению, долгие, изнурительные переходы на новые позиции для подготовки к новым наступательным операциям. Такие походы сродни героическому бою. Они не меньше, чем, скажем, атака на вражескую траншею, показывали, какие неизведанные силы скрывает в себе солдат Советской Армии.

Давно отгремели залпы. Но в памяти каждого уральского добровольца те далекие годы живут как самое яркое, самое важное в нашей жизни. Мы горды, что наказ земляков разгромить и уничтожить фашизм выполняли с честью.

В БОЕВЫХ ПОРЯДКАХ ПЕХОТЫ

Было раннее утро 9 августа. До команды «подъем» оставалось еще часа полтора, когда командир батареи лейтенант Александр Байбаков поднял нас по тревоге.

Мы быстро построились. Приказ был кратким:

— Ваш расчет во главе с командиром огневого взвода лейтенантом Выжлецовым отправляется в сторону села Шахово. Задача: прикрыть огнем действия группы, которая должна разведать силы противника в районе развилки дорог и в населенном пункте.

Через несколько минут погрузили в автомашину ящики со снарядами, гранаты, патроны, прицепили «сорокапятку».

Утро было ясное, тихое. Не доносилось ни разрывов снарядов, ни трескотни пулеметных и автоматных очередей. Чувствуем себя бодро, весело.

Впереди показался населенный пункт, протянувший свои небольшие улицы вдоль речки. До нее оставалось километра полтора, когда лейтенант приказал свернуть влево.

Машину ставим в кустарник. Швыряем на станину пару ящиков со снарядами и выкатываем орудие между двух насыпей, маскируем ветками

кустарника. Деревня будто на ладони. Видим, как там забегали фашистские солдаты. Наверное, заметили, как мы двигались на своем ЗИСе.

Через несколько минут на дороге и возле нас стали рваться мины. Потом противник открыл пулеметный огонь. Мы ответили. Вскоре вскрикнул наводчик Иван Смирнягин. Осколком мины его тяжело ранило.

— Митягин, к панораме! — крикнул Выжлецов.

Вести огонь по минометам врага было бесполезно: мы не могли их подавить, так как они находились за домами и сараями. Да и не самым страшным были мины. Больше донимали пулеметы, которые поливали нашу позицию длинными очередями.

Александр Выжлецов через бинокль выискивал их расположение. Потом подал команду:

— Цель — первый дом справа от дороги.

Хотя я никогда до этого не вел огня из орудия, но на занятиях много тренировался в его наводке в цель. Быстро сработал маховичками. Навел, крикнул: «Готово!»

Первый снаряд разорвался перед домом. Второй взметнул землю ближе к нему. Третий попал в цель. Для надежности выпустили еще пару снарядов.

Второй пулемет вел огонь с чердака дома, расположенного через дорогу. И с этим покончили несколькими снарядами.

В ходе боя разведчики выполнили задание. Первый шаг, чтобы перерезать железную дорогу Орел — Брянск и шоссе, был сделан.

Вскоре к нам подошел наш мотострелковый батальон. Он начал наступать на деревню.

Бой продолжался целый день. Фашисты всеми силами мешали переправиться через реку. Наш расчет вместе с другими артиллеристами поддерживал атаки мотострелков, но враг подбрасывал все новые и новые силы. Только под утро он оставил деревню. Она была почти безлюдной. Нас встретили лишь несколько стариков и пожилых женщин.

— Где же остальные жители? — спросили мы их.

— Ночью всех от мала до велика погнали в сторону Карачево. И не только здешних. Почитай, со всего Шабалыкинского района.

Лейтенант Байбаков тут же скомандовал:

— Вперед! Может удастся спасти наших людей.

Машины гнали на предельной скорости. Фашистскую колонну догнали в открытом поле. И снова началась схватка.

Силы были неравными. Противник превосходил нас численностью. Несмотря на это, мотострелки непрерывно атаковали врага. Наш расчет сопровождал их в боевых порядках. Уничтожали огневые точки, живую силу, помогали отбрасывать контратакующих.

В полдень противник начал очередную, чет-

«В период наступательных боев на Пражском направлении т. Ефимов умело организовал бои бригады при прорыве тактической обороны противника».

(Из наградного листа)

Герой Советского Союза гвардии генерал-майор танковых войск

**АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВИЧ
ЕФИМОВ**

вертую по счету, контратаку. Но, не доходя до наших позиций метров триста, внезапно остановился, затем фашистские солдаты резко повернули обратно и побежали.

Мы не понимали, в чем дело. Потом кто-то оглянулся и радостно вскрикнул:

— Ребята, наши танкисты идут!

Это подошла наша Пермская танковая бригада. От угона в фашистскую неволю было спасено несколько тысяч советских людей.

И снова были бои. Немало огневых средств и живой силы врага уничтожили артиллеристы нашей батареи на подступах к Писаревке, Воробьевке и другим населенным пунктам.

Сентябрьским утром подошли к Унече. Дома ее окраины утопают в садах. Перед ними фашистские солдаты отрыли траншеи, ходы сообщения. Было ясно, что они основательно подготовились к длительной обороне.

Противник сразу же открыл по нам огонь. Мы не остались в долгу. После мощного огневого налета мотострелки пошли в атаку.

По команде Выжлецова мы выкатили свои «сорокапятки» и вместе с автоматчиками двинулись на город.

Откуда-то застрочил уцелевший пулемет, за ним стрельбу открыл еще один. Первый обнаружили в саду. Прикрываясь плетнем пулеметчик прижал наших солдат к земле. Послали против огневой точки пару снарядов и накрыли ее. Второй пулемет вел огонь из чердачного окна. На его уничтожение израсходовали три снаряда.

Ворвались в город. Все время поддерживаем огнем атакующих мотострелков, выполняем их

заявки, сами отыскиваем цели, которые мешают продвижению вперед. Бьемся за каждую улицу, переулок. Протаскиваем свои орудия через дворы, сады, огороды.

И вдруг рядом грохнул снаряд, второй, третий. Смотрим — вражеское орудие. Сделав несколько выстрелов, фашисты откатили его за угол каменного здания. Выжлецов разгадал их хитрость. Приказал:

— Навести орудие на угол дома. Зарядить. Сейчас они снова выкатят свою пушку.

Так и случилось, но выстрела сделать они не успели. Три наших снаряда один за другим поразили фашистскую пушку и ее расчет.

Так, очищая квартал за кварталом, улицу за улицей, пробивались к центру Унечи уральские добровольцы. В этот день — 23 сентября 1943 года — наш огневой взвод уничтожил два вражеских орудия, пять пулеметных гнезд и несколько десятков фашистов.

И опять вперед. По разбухшим от мокрого снега и дождя дорогам движемся к Каменец-Подольскому. Тяжело нагруженные автомашины то и дело застревают в грязи по самые диферы, орудия — по самую ось. Соскакиваем на землю. Подкладываем под колеса все, что находим поблизости — камни, бревна, доски, валежник, и усердно выталкиваем из грязи машины, орудия.

И так целыми сутками. Без сна, промокшие, спешим навстречу очередной схватке.

Почти с марша неожиданно для противника врываемся в Гусятин. Фашисты ошеломлены. Отступают на запад. Это случилось 24 марта 1944 года. Ранним утром следующего дня мото-

стрелки и танкисты начали штурм Каменец-Подольского.

С ходу ворвались на юго-западную окраину города. Начали в лоб атаковать противника. По улицам, переулкам, через перекрестки невозможно проташить пушки. Все забито автомашинами, повозками, военной техникой неприятеля. Удар был настолько стремителен, что многие машины оказались с работающими моторами. Чтобы очистить проходы, наши танки, как бульдозеры, сдвигали брошенную врагом технику к стенам домов, к заборам. И все же нам пройти со своими пушками не удалось. А взводу было приказано немедленно пробраться на западную окраину и не пропустить противника, если его части попытаются пробиться на помощь засевшим в городе гитлеровцам.

С большим трудом между зданий, через дворы и скверы, сумели проташить только одно орудие. Не успели мы обосноваться, как с запада на нас двинулись вражеские автоматчики. Подпускаем метров на двести — сто и обрушиваем на них огонь. Бьем осколочными, из ручного пулемета, автоматов. Умело действуют все. Особенно наводчик Борис Ткаченко. Каждый снаряд рвется в гущу атакующих.

Отбили первый натиск. Часа через два — второй. Захлебнулась и третья атака на наш расчет. Назавтра новые атаки врага следуют одна за другой.

На исходе снаряды и патроны. Посылаю двоих к своим, чтобы доставили боеприпасы. Но ребята не смогли пройти через город, где шли схватки за каждый дом и перекресток. Принесли дру-

Партбюро Пермского мотострелкового батальона принимает кандидатом в члены партии комсомольца гвардии сержанта Гезина. 24 марта 1945 г.

гое — трофейные автоматы и патроны к ним. Что ж, и это пригодится.

И опять атаки противника. Отбиваем как можем.

На шестой день враг бросил против нас два танка, бронемашину, автоматчиков.

Подпускаем первый танк метров на полто-

раста. Бьем по нему подкалиберными снарядами. Танк остановлен, ствол его пушки медленно опускается к земле. Теперь он не страшен.

Снова меняем позицию. Выпускаем по второму танку два снаряда, и он вспыхнул.

Подкалиберных снарядов больше нет. По бронемашине стреляем фугасным. Его хватило, чтобы броневик замер на месте.

Напирают автоматчики. Ломят напролом, не смотря на то, что лишились броневого прикрытия. Борис Ткаченко косит их из ручного пулемета, а гитлеровцы лезут и лезут. Им удалось подойти к орудию метров на шестьдесят. Видим их лица. Мы все напряжены до предела. У нас в автоматах ни одного патрона. Нет и гранат. Осталось только пять осколочных снарядов. Вся надежда на них. Командую:

— Прицел ноль пять.

Три снаряда выпущены в считанные секунды, и цель атакующих сметена. Остальные пытаются укрыться за домом. Но их скошил Ткаченко.

Так шесть суток, почти без боеприпасов, без пищи, оторванные от своих, мы удерживали рубеж и отстояли его.

Затем бои за Тернополь, Львов, на Сандомирском плацдарме, форсирование Одера, штурм Берлина.

Последние выстрелы из своих «сорокапяток» мы сделали, когда освобождали столицу Чехословакии — Прагу.

СОЛДАТСКАЯ СНОРОВКА

Комсомольцу Виктору Конюхову исполнилось 18 лет, когда начали формировать Уральский танковый корпус. Он сразу же подал заявление, в котором просил зачислить добровольцем: «Направьте кем хотите: танкистом или стрелком, сапером или минометчиком — лишь бы воевать. Не могу сидеть в тылу, когда фашисты хотят лишить свободы наш народ».

С первых же фронтовых дней он обратил на себя внимание находчивостью и сноровкой. О его смелости заговорили, когда шел бой за перехват железной и шоссейной дорог, соединяющих Орел и Брянск. Это было в начале августа 1943 года.

Вызвали тогда Виктора. Рассказали ему, в чем суть задания. Спросили:

— Справишься?

— Конечно, справлюсь, — ответил Виктор.

Целый день он вместе с товарищами-разведчиками ползал по нашему переднему краю, выбирая место, где можно незаметно пройти через вражеские траншеи. Обнаружил мелкий кустарник, который узкой полосой тянулся почти до самых неприятельских окопов, а потом, после открытой поляны, вновь появлялся и уходил дальше, к населенному пункту.

Двинулись глубокой ночью. Где ползком, где прячась за деревья и различные строения. Определили расположение вражеских огневых средств

и перед рассветом поползли обратно. До неприятельских окопов оставалось метров около ста, когда наткнулись на засаду. Фашистские солдаты что-то крикнули несколько раз, но разведчики, прижавшись к земле, молчали. Выставили только перед собой подготовленные к бою автоматы.

Послышались шаги. На фоне посветлевшего неба вырисовалось несколько темных фигур. Вот-вот они наткнутся на затаившихся. И тогда Виктор нажал на спуск. Тут же ударили автоматы соседей.

Единственный уцелевший фашист бросился бежать. Виктор догнал его, ударил прикладом. Тот упал.

— В кусты, — шепнул Виктор товарищам и сам поволок туда же оглушенного солдата.

Спустя час Виктор Конюхов докладывал командиру о выполнении задания.

Отчаянный, дерзкий, он, когда требовалось, проявлял завидную, не по годам, выдержку. Возле станции Волочиск группа вражеских танков прошла через наши позиции, а один остановился и повел огонь по залегшим мотострелкам. Виктор стал подбираться к нему с противотанковым ружьем. А место открытое, укрыться негде. Дополз до какой-то ямы, наполненной мокрым снегом, примостился в ней. Но стрелять по танку было нельзя: не пробить из ружья толстую лобовую броню. И Виктор все ждал, когда фашистский водитель поставит под его пули какой-нибудь борт, где броня потоньше. Так он лежал почти целый час. И дождался.

В августе мы вели жаркие бои в районе населенных пунктов Новотанец и Фельштынъ. В один

из таких дней Конюхов, находясь в засаде, увидел, что фашистский минометный расчет начал перемещаться на новую огневую позицию. Виктор выдвинулся вперед. «Стрелять по солдатам? — подумал он. — Нет. Я дам по ним очередь потом. Сначала выведу из строя миномет. Это важнее».

Виктор прицелился в ствол миномета и выстрелил. Солдаты сбились около миномета, рассматривая искореженный ствол, из которого уже нельзя вести стрельбу. Тогда Конюхов взялся за автомат и дал несколько коротких очередей.

В ночь на 26 января, когда началось форсирование реки Одер, Виктор одним из первых переправился на противоположный берег и вступил в бой. Увидев, что к обороняющимся гитлеровцам подходит грузовая машина, он пополз вперед и открыл по ней стрельбу. В машине начались взрывы. Оказалось, что она была нагружена боеприпасами.

Так же мужественно и отважно сражался Виктор Конюхов при форсировании реки Шпрее, канала Тельтов, во время штурма острова Ванзее.

Родина достойно отметила отвагу Виктора Конюхова. Ему вручены шесть орденов: Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной Звезды и орден Славы III степени.

ЖЕНА КОМАНДИРА

Она пришла в лагерь, где шло формирование Пермского мотострелкового батальона. Нашла командира и представилась:

— Мария Андреевна Гайко. Прошу зачислить меня в батальон добровольцем.

— Не можем.

— Поймите, мой муж — лейтенант Гайко. Он — командир стрелковой роты. Я могу быть машинисткой, стрелять умею...

— Все равно зачислить не можем.

Мария приехала еще раз. Говорила капитану Гоцуляку:

— Я не понимаю, почему вы мне отказываете. Думаете, что буду отвлекать своего мужа от выполнения его командирских обязанностей?

И снова отказ.

Вновь и вновь приезжала Мария Гайко и добилась своего: ее зачислили рядовым бойцом.

Началась напряженная учеба. Наравне с другими мотострелками Мария поднималась по боевой тревоге, занималась в поле, всему старательно училась. А на стрельбище удивляла всех своей меткой стрельбой. Так постепенно она заслужила уважение командиров и добровольцев.

И вот фронт. Дан приказ: овладеть населенным пунктом Скородумка. Вместе с другими Мария Гайко была включена в состав танкового десанта. За километр до деревни по мотострелкам

открыли огонь вражеские «кукушки». Наши добровольцы, не обращая на это внимания, бросились на штурм неприятельских позиций, но наткнувшись на меткий огонь, вынуждены были залечь.

А «кукушки» били с правого фланга. Мария решила вступить с ними в поединок. Стала всматриваться в лес, прилегающий к дороге. Среди ветвей одного из деревьев заметила темное пятно. Неторопливо прицелилась и плавно нажала на спуск. С дерева рухнул фашистский солдат.

Вновь со стороны леса прогремел выстрел. Мария Гайко обнаружила и «сняла» вторую «кукушку». И тут же мимо головы Марии просвистела пуля.

«Заметил», — подумала она и осторожно переползла на другое место. С деревьев больше не стреляли. Но она знала, что это хитрая уловка снайпера. Притаился, а потом снова будет бить наверняка.

Надумала его перехитрить. Сняла пилотку. Надела ее на палку и слегка приподняла над канавой. В тот же миг раздался выстрел. Фашист выдал себя. Он сидел на дереве, укрывшись за стволом, виднелась лишь правая нога, поставленная на крепкий сук сосны.

«Попаду — он и высунется», — решила Гайко и старательно прицелилась. Выстрелив, сразу загнала в канал ствола очередной патрон. Снайпер ухватился за раненую ногу и оказался на виду. Этого мгновения Марии хватило, чтобы послать вторую пулю.

Мария Гайко вновь приподняла над канавой

Герой Советского Союза Я. Д. Харди́ков с воспитанниками уральских добровольцев Андреем Аксеновым и Александром Кирсовым,

пилотку, подержала ее пару минут. Выстрелов со стороны леса больше не было.

Тогда она поспешила к мотострелкам, которые вели перестрелку с засевшими в траншеях солдатами.

Доползла до бугорка. Устроилась за ним. Отсюда до вражеских позиций было более сотни метров. Это не смущало Марию Гайко. Она вела стрельбу и с более дальних дистанций.

Осмотрелась. В траншеях нет-нет да и промелькнут каски. Взяла это место на мушку. Раз за разом послала туда несколько точных пуль.

Во время атаки Мария первой ворвалась в траншею и саперной лопатой разможила голову гитлеровскому офицеру.

В одном из очередных боев лейтенант Гайко и его жена были ранены. Их вместе отправили в госпиталь. Вылечились. Вернулись в бригаду.

За смелость и отвагу, проявленные в бою за населенный пункт Скородумка, супруги Гайко были награждены орденом Красной Звезды.

Сентябрьским холодным дождливым утром меня вызвал к себе командир бригады полковник Смирнов. На его небольшом походном столе лежала карта — план города Унечи и прилегающих к нему населенных пунктов. Карта основательно разрисована условными военными знаками.

— Смотрите сюда, — сказал мне Смирнов. — Вот передний край обороны, его опорные пункты, огневые позиции. Вот деревня Писаревка. Хорошо укрепленный пункт, но слабо прикрыт артиллерией. Нам дан приказ освободить Унечу. Через Писаревку легче прорваться в город. Задача вашей роты — овладеть ею, действуя в танковом десанте 117-й танковой бригады.

Я тут же перенес на свою карту расположение огневых точек, укреплений, минных полей.

Через несколько часов автоматчики облепили танки, и мы двинулись вперед. Противник встретил огнем. Чтобы избежать ненужных потерь, комбриг танкистов подполковник Воронков повел машины в обход Писаревки.

Придя в себя, противник постарался вернуть потерянные позиции. Но мотострелки уже готовились отразить этот натиск.

Комсорг роты Алексей Поздняков, старшина Николай Карманов, братья Николай и Виктор Ситниковы, Михаил Герасимов, Иван Лосев, Федор

Чмутов и другие подпустили вражескую пехоту на близкое расстояние и разом ударили по ней. Первой цепи как не бывало.

Еще две попытки оттеснить нас кончились неудачей. Только когда фашистское командование подбросило новые силы, неприятель добился некоторого успеха: взял нас в полукольцо, а затем окружил.

Пять раз кидалась на нас пехота, но все безуспешно. Тогда по нашему расположению повело стрельбу неприятельское орудие.

Когда совсем рядом разорвался, наверное, пятнадцатый снаряд, ко мне подполз старшина Николай Карманов. Сказал:

— Эту пушку надо прикончить, а то бед надеется.

— А как уничтожить? Где она торчит, сам черт не разберет.

— Разрешите махнуть в тыл к фашистам. Пошарим и найдем.

— Одному трудно.

— Зачем одному. Я уже подговорил Позднякова, Булганина, Лосева.

— Хорошо, идите. Возьмите еще Герасимова и Даушке. Ползите через кустарник. Только осторожно, он простреливается.

И ребята поползли.

За кустами наткнулись на вражескую засаду. Прорвались через нее. Поползли по раскисшему от дождей полю, ориентируясь на выстрелы фашистского орудия.

Обнаружили его около опушки леса. Оно стояло в специально открытом укрытии, виднелись только часть ствола и верх щитка,

— Первый я, — сказал Карманов, — за мной Поздняков и Лосев. Я действую автоматом по расчету, вы — прикрываете с флангов, остальные с тыла.

Николай дополз до орудия, с близкого расстояния уничтожил расчет и в довершение противотанковой гранатой подорвал пушку.

Лишившись такой поддержки, фашистские солдаты ослабили натиск, затем стали отходить. Мы бросились в атаку и овладели деревней. Брешь к Унече была пробита.

На другой день рано утром рота вместе с танкистами прорвалась к окраине города и через час завязала бой на его улицах. Одновременно на улицы Унечи ворвалась рота старшего лейтенанта М. Смирнова. При поддержке танков она начала громить неприятеля у железнодорожной станции.

Иную задачу возложили на мотострелков старшего лейтенанта М. Козлова. Они создали засады на западных и северных окраинах города и вдоль шоссе, идущего в сторону Гомеля. Таким образом противнику были перекрыты пути для отхода и переброски подкреплений. В тот день отличились пулеметчики Д. Боровских и В. Галушкин. Они как-то оторвались от своих товарищей, пробрались вперед и достигли центра города. Здесь было немало фашистских солдат и офицеров. Но ребята не растерялись. Облюбовав перекресток улиц, устроились в полуподвальном здании и держали перекресток под огнем до подхода наших основных сил.

Другой пулеметчик, П. Перезвонный, чтобы лучше видеть противника, затащил свой пулемет на третий этаж каменного здания, снял с «макси-

ма» щиток и косил вражеских солдат короткими и длинными очередями. Фашисты обнаружили смельчака. Начали поливать его огнем. В ходе этого поединка Перезвонный был ранен, но продолжал метко разить гитлеровцев. После боя он

29-Я ГВАРДЕЙСКАЯ УНЕЧСКАЯ. ТАК СТАЛА НАЗЫВАТЬСЯ 30-Я МОТОСТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА ПОСЛЕ БОЕВ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЭТОГО ГОРОДА.

насчитал на своем «максиме» двенадцать пробоин и вмятин от пуль.

Стремительно наступали мотострелки отделения сержанта К. Чугунова. Они врвались в здания, в которых засели вражеские солдаты, и выбивали их оттуда автоматными очередями и гранатами.

Смело вел себя в бою комсомолец Г. Газизов. Он был ранен, но на мое предложение идти на медпункт заявил:

— Автомат еще держу. Буду драться, пока есть силы.

Большую помощь нам оказала батарея старшего лейтенанта коммуниста Николая Глушкова. Она вместе с нами выдвинулась на главную улицу Унечи. Не успели артиллеристы установить

орудия и подтащить снаряды, как вражеские автоматчики стали обтекать нас с флангов. Несколько штурмовых орудий вышло нашим подразделениям в тыл. Тогда Глушков приказал дать залп из всех стволов. Сразу же вспыхнули несколько автомашин и два бронетранспортера гитлеровцев. Развернув пушки, батарея ударила по штурмовым орудиям врага. Те отступили, и мы вновь пошли вперед.

Бой за Унечу гвардейцы вели отважно, решительно, умело взаимодействовали с танкистами, артиллеристами и минометчиками. Это боевое содружество позволило быстро разгромить вражеский гарнизон и овладеть городом.

ОТРЕЗАННЫЕ ОТ СВОИХ

Как лейтенант Зайд обнаружил вражескую противотанковую мину — мы его не расспрашивали. Он только крикнул нам:

— Ребята, дайте лопатку!

Лейтенант никому не доверил откапывать найденное «сокровище», а сам осторожно отгребал землю вокруг мины и затем вынул ее из углубления.

— Теперь давайте телефонный кабель или веревки.

Нашли провода. Зайд привязал их к противоположным сторонам мины.

— Противотанковых гранат у нас больше нет. Вот и используем эту мину против какого-нибудь фашистского танка, — сказал он. — С помощью провода будем подтягивать ее под гусеницы.

В те дни мы вели бои за поселок Фридриховка и станцию Волочиск. Захватили их с ходу, и теперь противник яростно контратаковал, бросил против нас немалые силы с танками и автоматчиками. Ему удалось вновь занять сахарный завод и отрезать нас от основных сил бригады. Мы отбивались как могли.

Только успели положить на бруствер извлеченную из земли фашистскую мину, как началась очередная танковая атака. Прямо на нас шел головной «тигр».

— Мину подгоняем под него! — крикнул лей-

тенант, и по его команде мы волокли ее то вправо, то влево, сообразуясь с движением танка. И сумели подтащить под правую гусеницу. Раздался взрыв. Танк как-то неуклюже закрутился на месте, потом пополз обратно. За ним потянулись и остальные.

Стало несколько легче. Но стрельба не утихла. Противник поливал нас огнем из пулеметов, автоматов, обстреливал из орудий. Нам же отвечать было почти нечем — боеприпасы кончались. В этот момент разрывной пулей ранило лейтенанта Якушева.

Перевязали его. А как быть дальше? Якушева нужно было срочно оперировать. От тылов же, где медсанбат, мы отрезаны. Один выход: найти лазейку через боевые порядки противника.

— Кто пойдет с Якушевым? — спросил командир роты.

— Давайте попробую, — сказал я. — Только место подберу, где выходить удобней.

Пополз вперед. «Прощупываю» оборону немцев. Глаз был у меня наметанный. Недаром почти целый год учился в школе снайперов. Научили определять, где и что.

Выбрал проход через вражеские окопы и,

«Командуя ротой, первый по ломаному льду переправился на западный берег реки Одер. Штурмуя сильно укрепленную высоту, он со своей ротой захватил два орудия, шесть пулеметов, две автомашины, овладел высотой, отразил несколько контратак противника».

(Из наградного листа)

Герой Советского Союза гвардии старший
лейтенант

**МАКСИМ ЯКОВЛЕВИЧ
ДЕНИСОВ**

едва стемнело, пополз вместе с раненым вдоль лощины. Добрались до речки Збруч. Залез в воду — дна не достать. А ведь март на дворе. Вода холодная. Как вплавь переправиться с тяжелораненым на противоположный берег?

Лежим между кочек. Думаю: что делать? И вдруг послышался тихий говор, осторожные шаги. Вскинул автомат. А в нем всего два патрона.

Шли трое. Тащили с собой то ли доску, то ли широкую плаху. Прислушался к разговору. Оказались наши пехотинцы. Негромко окликнул их. Подошли ко мне.

— Выручайте, — говорю, — ребята.

— Что, ранен?

— Нет. Вот моего офицера тяжело ранило. В медсанбат срочно доставить надо.

— Да на том берегу, наверное, немцы.

— Проскочу как-нибудь.

— Ладно, только возьми чуть правее. Там большие навозные кучи. Авось, проползешь между ними.

Стрелки осторожно перебросили через речку плаху. Пополз по ней. Не добрался до противоположного берега метра три — кончилась доска. Залезаю вместе с Якушевым в воду, выскакиваю из нее. И сразу же по нам стрельба. Одна пуля срезала ремень у автомата, вторая пробила котелок.

Лежим за навозными кучами. Якушев время от времени теряет сознание. Успокаиваю его шепотом. Отойдет немного — и опять теряет память.

Жду, когда прекратится стрельба. Утихло — снова пополз. Сколько полз, не помню, но до-

брался до своих. Дали подводу. Доехал до наших медиков. Якушева тут же положили на операционный стол.

Перед рассветом я вернулся в батальон. А спустя часа три решительной атакой мы вновь захватили сахарный завод.

Другая необычная история приключилась со мной уже в сорок пятом году. Тогда наш Уральский танковый прорвал оборону противника и далеко зашел к нему в тыл.

Небольшая группа мотострелков, в том числе и я, отстали от своих. На войне это случается. А наше дело солдатское — всегда быть в строю, воевать вместе. Надо как можно быстрее догнать свой батальон.

В одной из деревень нашли повозки, брошенные отступающими. Едем по дороге, на которой остались следы наших «тридцатьчетверок». По ним и ориентируемся, не сбились ли. Миновали деревню, вторую. Подъезжаем к очередной. В ней несколько домиков.

Мотострелок Мотин пошел раздобывать корм для лошадей. А мы втроем — Обшивалкин, Борзый и я — заходим в крайнюю избу. Хозяева — поляки — встретили радостно, накрыли на стол. А тут Мотин кричит в окно:

— Фашисты идут!

Выскакиваем из дома:

— Где?

А Мотин в проулочек нас заманивает. Смотрим — гитлеровцы метрах в сорока от нас. Впереди нестройная колонна. Позади обоз повозок

в десять. За ними ещё такая же колонна. Видно, где-то их наши основательно потрепали.

Мы не растерялись. Вскинули разом автоматы. Фашисты бросились кто куда: внезапность на войне — сила великая. Обозные лошади рванули в разные стороны. А одна упряжка прямо на нас летит вместе с пушкой.

И тут пришла мне в голову мысль: ударить по врагам из захваченной у них пушки. Благо есть две подводы со снарядами. Правда, из пушки я никогда раньше не стрелял. Но знакомый артиллерист показывал, как это делается.

Развернули орудие. Я взялся за ручки горизонтальной и вертикальной наводки, прицелился по стволу, как по винтовке.

— Мотин, — кричу товарищу, — смотри, куда снаряд упадет!

Загнали снаряд в казенник и выстрелили. Меня чуть не придавило: орудие не было закреплено, и после выстрела оно откатилось.

— Перелет! — кричит Мотин.

Снова покрутил ручками наводки.

— Нормально! — кричат ребята. — Стреляй чаще!

И пошли мы лупить по поляне. Стреляем, а какими снарядами — не разбираем: фугасными, осколочными или бронебойными.

Сорок восемь человек сдались нам в плен. А нас — только четверо было. Да с нами еще несколько солдат других частей, что, заслышав выстрелы, выскочили из соседних домов.

ШТУРМ ТУРЕЦКОГО МОСТА

Ночной марш закончился, и мы по проселочной дороге свернули в лес.

Капитан Федор Дозорцев тут же приказал выставить охранение, остальным мотострелкам отдышаться и, обращаясь ко мне, сказал:

— А мы, начальник штаба, пойдем дальше, посмотрим, что за город Каменец-Подольский. На Украине я не бывал. Знаю только Урал да часть Сибири.

И мы пошли, прихватили с собой разведчиков, командиров рот, артиллерийских и минометных батарей, чтобы изучить местность, на которой нам предстояло действовать, освобождая этот украинский город.

Стояла мартовская промозглая погода, от ощущения влажного и холодного воздуха становилось зябко и неприятно. Шагая по раскисшей дороге, мы время от времени сверяли свои карты с местными предметами, и далеко не все совпадало. На карте показан хутор, а его нет. Все сожжено, стоит только одиноко печь, напоминающая о том, что здесь жили когда-то люди. Вместо перелеска — траншеи, окопы, полуразвалившиеся доты и дзоты, полуистлевшие бревна да доски. Не было и лесов, нарисованных на нашей карте. Вместо них — одни пеньки. Этому не удивлялись. За время войны уже привыкли к такому.

Она принесла немалые беды и разрушения, изменила облик земли.

Часа через полтора перед нами появилась широкая полоса густого тумана.

— Река Смотрич. Это над ней туман. Он даже к стати — подойдем незамеченными, — сказал Дозорцев.

Сквозь пелену, поднявшуюся над рекой, едва просматривались контуры зданий. Перед нами был очередной водный рубеж, который предстояло преодолеть. А на том берегу противник давно отрыл траншеи, ходы сообщения, оборудовал для обороны прилегающие к реке каменные здания.

Комбат думал, где занять исходные позиции для наступления. Батальон должен расположиться около Турецкого моста. Чуть в стороне от моста — кладбище. Заросшее лесом и кустарником, оно хорошо укроет мотострелков, отсюда можно будет держать под прицельным огнем позиции противника, подходы к ним.

Впереди маячил Турецкий мост. За ним — большая площадь, которая несколько возвышалась над берегом. Капитану Дозорцеву стало ясно, что уже в начале боя следует овладеть не только мостом, но и площадью и прилегающими к ней зданиями. Мост и площадь — только через них можно пробиться в город и завязать там бой с противником.

Но как прорваться на тот берег? Хорошо, если бы река была скована льдом. Но уже конец марта, лед давно сошел.

В полдень в батальон пришел командир бригады полковник Смирнов. Сразу же повел разговор с Дозорцевым:

Добровольцы из Березников: Н. Чередниченко,
И. Карагодии и В. Федосеев.

— Федор Иванович, обшарили весь район, а подручных средств для переправы кот наплакал. Все лодки, даже дырявые, фашисты угнали на тот берег. Так что единственный путь — через мост.

— И я так думаю. Что же делать?

— Показать этим гадам, на что способны уральские добровольцы.

— Трудно его брать. Прикрыт он плотным огнем. Много людей потеряем.

— Что же делать будем?

— Есть одна мысль. Открыть по тому берегу шквальный огонь из всех орудий и минометов. Прижать противника огнем, чтобы он носа не вы-

сунул. А самим под прикрытием огня быстро проскочить мост. Только орудий и минометов нам подбросьте побольше.

— Да, пожалуй, это правильно. А батареи я подброшу, перенацелю их. Прикроют вас огнем не только бригадные артиллеристы, но и приданные бригаде дивизионы.

Через час Федор Дозорцев вызвал к себе минометчиков и артиллеристов. Рассказал им о своем замысле.

— Прошу вас об одном: не снижайте темпов огня. Ведите стрельбу быстро, на пределе своих возможностей. Сразу же подавите огневые точки, которые засекли. Чтобы настоящий огневой щит для наших мотострелков получился.

Объяснил и пошел по ротам. Говорил с бойцами кратко:

— Полностью снарядить магазины автоматов. Запасть гранатами. Артиллеристы и минометчики создадут впереди нас огневой вал. Вот за этим валом мы и пойдем в атаку. Постарайтесь быстро проскочить мост и начать штурм зданий, где засели фашисты. Внезапный удар — только это принесет нам успех.

Наступил час атаки.

Десятки орудий и минометов разом ударили по противоположному берегу. Дозорцев тут же поднялся во весь рост и крикнул:

— За мной! Вперед!

Весь противоположный берег и площадь покрылись фонтанами разрывов. Противник не успел прийти в себя, как добровольцы преодолели мост и выскочили на площадь. Подавленные массированным огнем налетом, фашисты не

смогли оказать сильного сопротивления. Вся операция по захвату Турецкого моста и площади заняла менее двадцати минут.

И сразу же к мосту устремились стрелки, танкисты, артиллеристы, минометчики других частей. Первыми по нему промчались батареи уральцев Г. Бородин и П. Шаповалова. Через улицы и переулки они катили орудия и оказались около вокзала. Задача у них была ответственная: не позволить фашистскому командованию подбросить в город подкрепления по железной дороге.

Вскоре к этим батареям, открывшим огонь по станционным зданиям, присоединились артиллеристы Якова Хардикова. Казалось, вот-вот противник прекратит сопротивление. Но тут к вокзалу подошел фашистский эшелон с пехотинцами. Орудийные расчеты перенесли огонь на него. Однако силы были явно неравными.

— Нужна помощь. Присылайте автоматчиков, — донес Хардиков в штаб бригады.

Полковник Смирнов обратился к Дозорцеву:

— Федор Иванович, спеши к станции. Там одни артиллеристы. Поддержите их. Не дайте фашистской пехоте ворваться на улицы города.

Дозорцев развернул батальон и вскоре был около вокзала. Туда же подоспело несколько наших танков. Но и противнику, кроме остатков пехоты, сумевшей выгрузиться из эшелона, удалось собрать около тридцати танков, десятки орудий и минометов. Дозорцев понял: пора переходить к обороне.

Закрепились в зданиях, не давая возможности неприятелю прорваться на отвоеванные нами улицы. И все же нескольким танкам противника уда-

лось скрытно подойти к позициям Пермского батальона. Поблизости оказалась одна из «тридцатьчетверок». К ней подполз командир взвода автоматчиков лейтенант Шульга. Показал экипажу, откуда двигаются на мотострелков вражеские машины.

— Дайте им «прикурить», — попросил он танкистов.

— Не беспокойтесь, сейчас мы их прижмем, — ответили те.

Командир танка Свирчевский отвел свою «тридцатьчетверку» за дом. Затем, выждав момент, ударил из пушки по головной машине противника. Она вспыхнула. Второй выстрел — и выбыл из строя другой вражеский танк. Тут на помощь экипажу Свирчевского подошло еще несколько «тридцатьчетверок» из батальона майора Никонова. В результате из тридцати немецких танков уцелело только десять. Остальные были подбиты и сожжены.

После четырех дней непрерывных боев город снова стал советским.

Мартовской ночью 1944 года наш мотострелковый батальон и взвод автоматчиков скрытно переправились через Збруч. Вскоре мы вступили на окраину Волочиска.

Шли осторожно, но все-таки фашисты заметили нас и обстреляли. Мы залегли. Потом короткими перебежками — от дома к дому — стали продвигаться к центру города. Временами вступали в схватки с неприятелем.

Перед рассветом наступило некоторое затишье. А враг не дремал. Он всю ночь подтягивал к городу новые силы и утром бросил их в бой. Только со стороны железнодорожного моста двигалось около двадцати «тигров». У нас же всего-навсего три «тридцатьчетверки» под командованием старшего лейтенанта Владимира Гребнева да несколько самоходных орудий из 356-го самоходного артиллерийского полка.

Начался неравный поединок. От первых же снарядов закрутилась на месте головная вражеская машина: у нее разбили гусеницу. Потом умолк еще один «тигр»: снаряд заклинил у него башню. Вспыхнула и наша «тридцатьчетверка».

Чувствуя свое превосходство, противник решительнее двинулся к центру города.

Все наше оружие — автоматы и гранаты. А сражаться с врагом надо. Выход нашел командир батальона. Он приказал в расположенных

поблизости домах быстро собрать пустые бутылки, наполнить их горючим и обмотать паклей.

Вооружились ими. Я с незнакомым сержантом по-пластунски пополз к перекрестку. Смотрим, «тигр». Он поворачивался то на одной гусенице, то на другой и все время вел огонь из орудия и пулемета вдоль улиц, по окнам домов, в которых засели наши ребята.

— Подползем ближе, — вполголоса сказал мне сержант.

— Давай, — согласился я.

Ползем осторожно. Смотрим, куда чаще поворачивает танк, когда делает небольшие паузы в стрельбе.

По водосточной канаве подобрался к нему метров на восемьдесят. Стрелять в нас из танка уже не могли: мы находились в «мертвом пространстве».

Стали поджигать паклю и бросать бутылки с горючим на моторную часть «тигра». Одну, вторую, третью: Видим, как струйками по броне стекает горючее. А «тигр» продолжает крутиться на месте и ведет стрельбу.

— Почему не горит? — шепчу сержанту.

— Загорит. Бросать нужно точнее.

«...проявляя разумную инициативу, изыскал удобное и выгодное место для переправы, и батальон первым под его командованием форсировал реку Одер, штурмовал доты, нанес врагу значительные потери и закрепился на вражеском берегу, постепенно расширяя плацдарм».

(Из наградного листа)

Герой Советского Союза гвардии полковник
ФЕДОР ИВАНОВИЧ
ДОВОРЦЕВ

— Точнее некуда.

Когда из десяти бутылок осталось две, из танка повалил черный дым.

Мы немного отползли и уложили выстрелами членов экипажа, когда они попытались выбраться через люки.

— Кажется, все, — сказал сержант, — теперь быстрее отсюда. Через пару минут начнут в танке рваться снаряды.

С этими словами он слегка приподнялся. И вдруг очередь. Сержант уткнулся лицом в землю. Возможно, один из танкистов был только ранен. Он и дал по нам очередь из автомата.

«Ничего, я с ним рассчитаюсь за сержанта», — подумал я и решил схитрить.

Немного отполз в сторону, ударил прикладом о землю, чтобы враг обратил на меня внимание и выдал себя. Затем я быстро отполз. Немец дал очередь, но меня не задел. Я выпустил в него чуть ли не полмагазина.

Пополз к своим. Тащу за собой тело боевого друга. Помню о снарядах, которыми напичкан «тигр» и которые вот-вот должны взорваться. Добрался до углового дома. С большим трудом завернул за него. И вовремя. Сзади раздался грохот. Наши бутылки с горючим сделали свое дело.

Вскоре я встретил своих мотострелков. Они помогли донести тело сержанта до штаба. Там стоял командир батальона майор Хрипочев.

— Алексеев, Николай? — узнал он погибшего и повернулся ко мне: — Где и как погиб?

— На перекрестке, когда с «тигром» возились, — ответил я и рассказал подробно, как все произошло.

— Жаль Алексева. Хороший был гвардеец, — сказал комбат, потом помолчал немного, спросил:

— Что с «тигром»?

— Взорвался от собственных снарядов.

— Значит, путь к вокзалу свободен. Это хорошо. А то проклятый «тигр» не давал проскочить к станции через перекресток. А тебе спасибо, большое спасибо.

И мы снова пошли вперед, к вокзалу, чтобы помочь первой роте овладеть им.

ПАКЕТ ГЕНЕРАЛУ

В июле 1944 года наши части вели ожесточенные бои за опорные пункты противника в районе Золочев — Ольшаница — Славута. На этом участке около Бродов была окружена сильная группировка фашистских войск, которая пыталась прорваться на запад.

Несколько их подразделений просочились по флангам в тыл нашей бригады — челябинских и свердловских танкистов. В тот день к нам прибыл командующий 4-й танковой армией генерал Д. Д. Лелюшенко. Он пытался связаться с командиром нашего танкового корпуса генералом Е. Е. Беловым. Но эта связь где-то оказалась нарушенной.

Тогда по заданию Лелюшенко к Белову был направлен с пакетом посыльный. Его сопровождали три танка с десантом автоматчиков. Нужно было пробиться через боевые порядки фашистских войск.

Не успели мы отъехать несколько километров, как нас обстреляли из засады.

Где противник? Какими силами располагает? А время не ждало. Пакет должен быть доставлен как можно быстрее.

К командиру подошли комсомольцы Владимир Шестаков и Евгений Пинягин.

— Разрешите выяснить, где засели фашисты?

— Действуйте. Только будьте осторожны.

Шестаков и Пинягин поползли по густой ржи. Когда поле стало кончаться, наткнулись на группу солдат во главе с офицером. Они расположились в тени одиноко стоящего дерева.

— Женя, бей по ним, а я гранатами дам, — шепнул Шестаков.

Грянула автоматная очередь, за ней — два разрыва. Солдаты бросились бежать, оставив под деревом шестерых убитых. Пинягин и Шестаков последовали за убегающими, предполагая, что там, за рощей, находятся подразделения неприятеля.

Так и оказалось. За лесом, около деревни поспешно рыли окопы. Сюда же по шоссе двигались артиллерийская и минометная батареи.

Спустя полчаса мы ворвались на позиции противника. Уничтожили обе батареи, несколько десятков солдат и офицеров, пленных сдали в штаб корпуса.

Пакет, вовремя доставленный генералу Белову, позволил скоординировать действия основных наших сил и окруженной группировки и нанести удар.

Позади остался двухсоткилометровый марш к Тернополю, бои за Бзовицу, Перепельники, Золочев, Ольшаницу и другие населенные пункты, примыкавшие с востока к Львову.

Стояла середина июля 1944 года. Солнце пекло немилосердно, но здесь, в лесу, который назывался Тростянец Малы, дышалось легче, как-то сама по себе исчезла усталость.

Но остановка была недолгой. Под вечер собрал нас лейтенант Овчинников:

— Ночью выступаем. Пойдем в тыл противника через заболоченную местность. Будем выполнять функции головной походной заставы. С нами танковая группа Челябинской бригады. Задача — незаметно подойти к окраинам Львова и там действовать согласно обстановке.

Украинская ночь быстро вступила в свои права. Фар не включали. Сначала все шло нормально. Потом заднюю часть нашей машины как-то неуклюже повело в сторону. Колесо попало в колдобину, наполненную грязью, и машина засела по самый дифер. Пулеметчики Мысов и Попов где-то раздобыли большую лесину, просунули ее под заднюю ось, навалились. Мотор взревел, и машина выскочила на ровное место.

Минут через десять история повторилась. И так всю ночь.

вающую Тернополь с Львовом, и на полной скорости двинулись дальше.

Мы были уже в тылу противника, ничего не подозревавшего о нашем рейде. Несколько автомашин шли к линии фронта с боеприпасами и

СВОЙ ПЕРВЫЙ ОРДЕН — БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО II СТЕПЕНИ — БРИГАДА ПОЛУЧИЛА В АВГУСТЕ 1944 ГОДА ЗА АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ОСВОБОЖДЕНИИ ГОРОДА ЛЬВОВА.

горючим. Увидев нашу колонну, водители растерялись, выскочили из кабин и подняли руки. Их обезоружили, заставили развернуть машины в обратную сторону и двигаться в нашей колонне.

Так мы несколько раз пополняли ее машинами с боеприпасами, горючим и продовольствием.

На полной скорости ворвались в местечко Куровичи. В нем стоял небольшой гарнизон. Разбуженные шумом автомашин и танков, гитлеровцы разбежались. Преследовать их и ловить в лесу не было смысла. Километров через восемнадцать наше «мирное» вторжение в тыл врага было нарушено появлением двух самолетов, обстрелявших колонну из пулеметов и пушек. Мы ответили стрельбой. Во время второго захода самолетов кто-то сумел подбить один из них. Другой летчик не стал искушать судьбу и улетел.

Минут через десять-пятнадцать опять нагрянули самолеты. Их отогнали дружным огнем, и снова все обошлось благополучно, без жертв.

Надвигался вечер, когда лейтенант Овчинников передал приказ комбата Ишмухаметова: в бои не ввязываться, впереди пригород Львова — Винники.

Под прикрытием небольшого леска обложили Винники, захватили их. А неподалеку — километрах в трех — как на ладони, виднелся Львов.

Майор Ишмухаметов и командир танковой группы Челябинской бригады пошли на риск: пользуясь тем, что противнику неизвестны силы нашей колонны и ее местонахождение, решили ворваться на окраины города и зацепиться там до подхода основных сил корпуса.

Ночью в короткой схватке захватили первую линию обороны. Закрепились. Утром нас попытались выбить с захваченного рубежа. После третьей отбитой атаки майор Ишмухаметов приказал:

— Прорываться вперед. Достичь электростанции и дальше — к центру города.

Перебежками, а больше ползком, через переулки добрались до Стрыйского парка. У входа в него, возле больших каменных зданий, заняли оборону.

Едва окопались, как послышался гул моторов. Вскоре на улицу выскочили «тигр» и «пантера» с плотно усаженным десантом автоматчиков. А наши танки вели бои на соседней улице. И противотанковых гранат у нас не было.

Что делать? Решаю уничтожить десант. Каждому пулеметному расчету ставлю цель: Саше Мел-

кóзерову — бить по автоматчикам на «тигрё», Алексею Кузнецову — на «пантере». Когда до вражеских машин оставалось метров пятьдесят, крикнул:

— Огонь!

С десантом было покончено. Танкисты не решились атаковать и отошли.

Мы воспользовались этим. Снова поползли вперед. Достигли каменных строений. Прикрываясь кирпичными стенами, отбиваться стало легче.

На следующее утро — 22 июля — части нашего корпуса ворвались во Львов. Начались упорные бои за его освобождение.

Свою задачу мы выполнили успешно.

НА РЕКЕ ДУНАЕЦ

Львов освобожден. Мы опять идем вперед, преследуя отступающего противника.

Где-то впереди движется разведка. По обеим сторонам — дозоры. Знаем, что противник может снова подбросить свежие силы и начать атаки. Поэтому каждый из нас наготове.

Нещадно палит июльское солнце. Идущие впереди автомашины поднимают пыль, которая оседает на вспотевших от жары лицах, слоем ложится на гимнастерки.

Неожиданно в голове колонны загремели выстрелы. В считанные секунды соскакиваем с машин и бегом на опушку леса. Здесь, с развернутой картой, уже стоит лейтенант Овчинников, уточняет обстановку. Голубенькая нитка реки Дунаец. Через нее тянется еще линия — это железная дорога, но она от нас далеко в стороне. А кругом едва заметными черточками обозначены непроходимые болота.

— Место не из легких, — говорю я.

— Не в болоте и не в реке дело. А вот здесь, — показывает Овчинников несколько деревень за болотом. — Чуть не каждый дом укреплен.

— Во Львове было труднее. Там дома каменные, пушкой стену не скоро пробивали.

— Да, там было нелегко. Но и эти деревни придется брать штурмом.

Редактор Беднаровский, комсорг роты Куренков
и комсорг батальона Дзык выпускают боевой
листок.

Про себя думаю: как мы подберемся к ним
через топи?

Наступил вечер. Вернулся от комбата лейте-
нант Овчинников. Подал команду: «Подъем!»

Рота построилась. Овчинников объявил при-
каз. Выступаем через полчаса. Будем двигаться
через болота. А утром должны выйти к первой
деревне и ударить по ней с фланга. Прием этот

65

у нас хорошо отработан. Главное в нем — внезапность удара.

...Точка на карте, к которой мы стремились, уже близка. Делаем небольшой привал. Лейтенант еще раз уточняет детали предстоящего боя. Предупреждает:

— Болота считаются труднопроходимыми. Но это весной и осенью, когда в них много воды. Сейчас жара, значит, глубина не такая. Главное — ночью мы должны идти плотно, не терять друг друга из поля зрения.

Снова двинулись. Начали попадаться низкорослые березки, кустарники. Затем пошли камыши, кочки, между которыми темнела вода. Вскоре кочки стали крупнее, мы то и дело срывались с них в воду.

Спустя часа полтора как-то одновременно исчезли и кочки, и камыши. Вода начала доходить до колен. Это было терпимо. Но когда она достигла пояса, пришлось брать подсумки с патронами и гранатами в руки, поднимать их над головой вместе с автоматами.

Пулеметчик рядом со мной споткнулся и сразу погрузился в болото. Я схватил его за гимнастерку, помог встать на ноги. Но вот опять несчастье: у солдата при падении сорвался ручной пулемет и покоится сейчас где-то на дне.

— Надо достать, — говорю я и в то же время думаю: как это с головой погружаться в эту вонючую и застоявшуюся за многие десятки лет мразь?

— Придется, — шепнул пулеметчик и нагнулся. Появился из воды с пустыми руками, весь облепленный тиной, лицо в грязи.

— Куда его унесло? Шарил, шарил — не нашел.

Щупали ногами влево, потом вправо. Солдат снова скрылся под водой. Вынырнул еще грязнее прежнего, но с пулеметом, на котором не было диска.

— Черт с ним, с магазином! У меня их еще три запасных.

Вода стала уже по грудь. А мы шли и шли, ругая в душе проклятое болото, которое так упорно не хотело кончаться.

Только перед рассветом выбрались из него. Мокрые, грязные. Отставших ждать не стали: знали — выберутся.

Приводить себя в порядок было некогда. Обошли деревню с северо-запада и ударили по ней без передышки. Нашего появления не ждали. При виде нас, мокрых, покрытых болотной грязью, дозорные в панике бросились бежать в деревню.

Придя в себя, фашисты обрушились на нас, подтянув из соседних укрепленных пунктов танки и бронетранспортеры. Но мы выстояли, пока подошли подкрепления.

Эти воспоминания были напечатаны в газете «Известия» 1 марта 1975 года под заголовком «За себя и за героиню». Бывший офицер связи А. Докучаев рассказывал о лейтенанте медицинской службы нашей бригады Галине Гордиевич:

«Когда начался наш прорыв на Каменец-Подольский, Галя Гордиевич в поселке Фридриховка в здании школы развернула медицинский пункт. Вместе с фельдшером Сергеем Градусовым оказывала она первую помощь. Раненых едва успевали отвозить. Тяжело было девушке. На моих глазах положили на операционный стол Бориса Новожилова. Сделать ему обезболивающий укол новокаина не смогли: осколок снаряда уничтожил аптечку. Резали по живому телу. Галина стирала с лица лейтенанта пот: «Потерпи, Боря, потерпи! Все будет хорошо».

Потом начались бои за деревню Петровку. Всех раненых мотострелков и танкистов — около пятидесяти человек — Галина Гордиевич укрыла в небольшом домике. Эвакуировать в тыл не было никакой возможности: противник усиленно обстреливал деревню и подходы к ней. Потом начал атаку. Галина залегла с автоматом у входа в дом. Она хорошо знала, как жестоко расправляются фашисты с нашими ранеными. Подпустив врагов поближе, она открыла огонь. Затем отползла в сторону и снова открыла стрельбу.

Медсестра Р. И. Курочкина (слева) и врач
А. И. Сазонова.

Кончились в магазине патроны. Упали под вражескими пулями санитар Шевелев, санинструктор Никифорова, старший сержант Эдгард. Фашисты ворвались в дом. Расстреляли раненых. Истекающую кровью Галину Гордиевич хотели заставить купить жизнь ценою предательства. Ей выламывали руки — она молчала. Ее кололи ножами — не говорила ни слова.

Спустя некоторое время гитлеровцев выбили из деревни. В доме, где сражались до конца раненые гвардейцы, среди обломков мебели лежали трупы погибших бойцов. На теле Галины Гордиевич были вырезаны кресты».

А. Докучаев дальше пишет:

«Похоронили Гаю в братской могиле... Через много лет нашли на поле боя ржавый патрон с запиской: «Мы, товарищи, погибаем, но мы полны веры, мы не боимся смерти, потому что есть среди нас такие, как Галя, Галина Витальевна Гордиевич. И мы верим, наше последнее солдатское слово дойдет до вас. Люди, поклонитесь Галине Гордиевич!»

Галина Гордиевич была одним из опытейших военных фельдшеров бригады. Она получила боевую закалку в боях у Киева, в Донбассе, под Сталинградом. У нее было чему поучиться подругам. Ведь при формировании мотострелковой бригады почти никто из влившихся в нее медиков, как говорится, не нюхал порошу. В основном это были вчерашние школьники, студентки, работницы, окончившие краткосрочные курсы медсестер и санинструкторов, недавние выпускники медицинских техникумов и институтов.

Под руководством фронтовиков шли интенсивные занятия. Сначала младший персонал и молодых врачей научили, где лучше выбирать места для стационарных и операционных палаток, как в кратчайшие сроки оборудовать их. Затем бригадный врач А. Лapidус, врачи В. Пузыревский, А. Воронцов, Т. Майоров, А. Сазонова и другие медики стали обучать их самому главному: как действовать на поле боя. При этом основное внимание обращалось на освоение необходимых навыков медсестрами, санинструкторами, начинающими фельдшерами. Они неотлучно находятся в боевых порядках частей и подразделений, первые приходят на помощь раненому, делают перевязку, доставляют на медпункт.

По инициативе начальника медслужбы А. Лapidуса начали учить терапевтов мастерству хирурга. Сначала они выполняли во время операций обязанности ассистентов, а затем сами стали делать простые, а постепенно и более сложные операции.

Учеба продолжалась и на фронте. Совершенствовалось мастерство, крупницы приобретенного опыта быстро распространялись. Особое значение придавалось скорейшей перевозке раненых с поля боя в медсанбаты. Мы использовали для этого не только автотранспорт своего медсанбата, но и машины, которые, доставив боеприпасы и продовольствие, возвращались с переднего края в тыл.

Медики бригады всегда находились в боевой готовности. Нередко они работали без сна и отдыха целыми сутками. Самую высокую оценку заслужили их действия в дни ожесточенных боев за Каменец-Подольский и Львов, на Сандомирском и Одерском плацдармах, при ликвидации келецко-радомской, оппельнской и ратиборской вражеских группировок, в ходе штурма Берлина. Благодаря их самоотверженному труду были спасены от гибели сотни добровольцев и тысячи вернулись в строй.

НА САНДОМИРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Колонна наших автомашин выскочила из леса и тут же стала разворачиваться на открытом поле. Оно почти все было изрыто воронками от бомб и снарядов.

Всего несколько дней назад мы вели ожесточенные схватки за Львов, затем с боями прошли на запад более трехсот километров и теперь достигли Сандомирского плацдарма, где противник непрерывно наседал, стремясь отбросить нас обратно за Вислу. О силе этих атак, о количестве брошенной против нас техники мы узнали в первые часы появления на плацдарме.

Командиры артиллерийских и минометных батарей еще не успели уйти на наблюдательные пункты и хлопотали около своих орудий, как обрушился шквал огня. Только на один батальон капитана Б. Жицкого двинулось до полка пехоты и двенадцать танков.

Орудийные расчеты Героя Советского Союза старшего лейтенанта Я. Хардикова сразу ударили по танкам и бронетранспортерам, минометчики Т. Акишева стали отсекал пехоту от танков.

В те дни стояла жаркая погода. А в полдень, после третьей атаки, началась гроза. Но схватки не прекращались. Отдельным вражеским подразделениям удалось просочиться в наш тыл. Мы оказались почти в огненном кольце.

Минометчики ни на минуту не прекращали огня. Крушили противника минами, гранатами, из автоматов. Капитана Акишева взрывной волной сбросило в колею, наполненную жидкой грязью. Офицер пополз вперед, к третьей батарее, минометы которой почему-то замолчали.

Там держали оборону заместитель комбата капитан Тараканов с группой бойцов. Минометов уже не было: их раздавили танки. Акишев видел, как загорелся один танк, второй, третий, подбитые гранатами. Тогда он запустил красную ракету, зная, что теперь следует выбить фашистов из воронок и траншей. По этому сигналу майор М. Савчук и капитан В. Тараканов повели добровольцев в атаку. Но вернуть траншеи не удалось. А гроза не утихала. Небо прорезали сверкающие молнии.

«Нужно что-то предпринять», — подумал про себя Тараканов. Повернулся в мою сторону — я с минометчиками прижался к сгоревшему танку. Наши взгляды встретились.

Я показал автомат, вынул из него магазин и потряс им. По этому жесту Тараканов понял, что у меня нет патронов. Тогда он помахал мне гранатой, показал на златоустовский нож. Я кивнул головой: ясно. Тараканов крикнул:

— Ура! За Родину, уральцы! — и устремился вперед. За ним бросились и мы. Такого оборота фашисты не ожидали. Увидев у нас ножи, закричали:

— Шварце мессер! Шварце мессер! — и стали быстро выскакивать из траншеи, побежали в сторону леса.

Гроза постепенно уходила на восток, утихали

громовые раскаты. Думалось, будут ли еще атаки фашистов. Но чем отбиваться?

Что делать? Двигаться дальше, попытаться выбить противника из леса — затея бессмысленная. Потеряешь только людей. Не до нас и артиллеристам: они вели огневой поединок с фашистскими танками.

— Идем в село, — скомандовал Тараканов.

Выглянуло солнце. Прекратился и обстрел. Подошли наши танки, принялись выбивать противника из леса.

В центр села принесли раненых и убитых. Мы с Гудыревым на плащ-палатке доставили сержанта Колесникова. Ему по колено оторвало ногу, но в последний момент он успел подорвать танк.

— Ничего, ребята, я выживу, — говорил он, когда его срочно на машине отправляли в медсанбат.

Затем принесли на носилках погибших Акишева, Бердюгина, Казарина, Савчука.

Подошел капитан Тараканов.

— Василий Дмитриевич, мы почти всю роту потеряли, — как-то жалобно произнес один из мотострелков.

— Ну, полно вздор городить, — ответил капитан и встряхнул солдата за плечи.

— Убитых шестнадцать, среди них командиры взводов Гатман, Портной.

— Сколько раненых?

— Восемнадцать.

— А ты говоришь, роту потеряли.

Пришел, припадая на левую ногу, Петя Тараканов.

— Что с тобой?

- Ранило. Кость цела.
— Отправишься в медсанбат.
— Меня уже перевязали. Руки-то целы, стрелять могу. А отправите силком — все равно сбегу в роту.
-

В ФЕВРАЛЕ 1945 ГОДА НА ЗНАМЕНИ БРИГАДЫ ПОЯВИЛАСЬ ЕЩЕ ОДНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ НАГРАДА — ОРДЕН СУВОРОВА II СТЕПЕНИ ЗА ГЕРОИЗМ, СМЕЛОСТЬ И НАСТОЙЧИВОСТЬ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В БОЯХ НА САНДОМИРСКОМ ПЛАЦДАРМЕ.

- Это мы посмотрим, сбежишь или нет.
Но Петр Тараканов, как его ни пытались отправить на машине в тыл, так и остался с нами.
В село приехали заместитель командира бригады Сердюк, начальник политотдела Глухов.
— Выстояли вы, ребята. Ведь против вас действовало шесть батальонов да два десятка танков. Сковали вы немалые силы. Вам за стойкость большое спасибо.
Погибших в бою похоронили около школы. Мы молча стояли в плотной шеренге. Ветерок чуть-чуть пошевеливал приспущенное гвардейское знамя. Раздался троекратный прощальный салют, и тонкий пороховой дымок поплыл в воздухе.
Утром гвардейцы снова двинулись на запад.

ФРОНТОВОЙ ДОМ ОТДЫХА

Случилось это через несколько дней после освобождения Каменец-Подольского. У гвардии полковника Ефимова проводилось очередное совещание командиров частей, начальников служб. Когда оно подходило к концу, комбриг обратил внимание на то, что начальник продовольственной службы капитан Будницкий и начальник заготовительной группы лейтенант Лобанов перешептываются, показывают друг другу какие-то бумажки, что-то записывают.

Ефимов не выдержал и спросил:

— Товарищ начпрод, что у вас — свое совещание? Решаете важные вопросы?

К удивлению присутствующих начальник продовольственного снабжения ответил:

«...Батальон, преодолев сопротивление противника, стремительно продвинулся вперед и первым ворвался на южную окраину Львова. В уличных боях тов. Ишмухаметов личным примером воодушевлял бойцов и офицеров. 23 июля 1944 года батальон занял центр Львова, водрузив Красное знамя на одном из домов города. ...Будучи в этих боях ранен в голову, из строя выйти отказался и продолжал командовать батальоном, очищая город от противника».

Герой Советского Союза гвардии майор
АХМАДУЛ ХОЗЕЕВИЧ
ИШМУХАМЕТОВ

— Так точно, товарищ полковник.

Все насторожились.

— Нам пришла интересная идея, — объяснил Будницкий. — Сами знаете, разгромленный в Каменец-Подольском противник бросил не только свою технику и оружие, но и большие склады и эшелоны с самым разнообразным продовольствием. Даже коров, свиней и гусей. Мы и думаем их использовать...

Будницкому не дали договорить, все захохотали, посыпались шутки, остроты. Смеялся и сам командир бригады.

— Нет, дело серьезное, — продолжал Будницкий. — Идея такая: создать бригадный передвижной дом отдыха. Выделить для него лучшие продукты. А посылать туда отличившихся в боях.

Сказав это, начпрод сел. Наступило минутное молчание. Никто не ожидал такого предложения.

— Как вы думаете? — спросил комбриг присутствующих.

Некоторые не одобряли:

— Для чего курорт открывать? Воевать надо.

Но большинству предложение начпрода понравилось.

— Ну, хватит перепираться. Откроем дом отдыха для легкораненых и тех, кто отличился в боях, — заявил Ефимов.

Потом спросил начпрода:

— Штат для него, наверное, уже подобрали?

— Нет, у меня только предложение.

— Ясно. Завтра подберем штат, продумаем все, что надо.

Так неожиданно и быстро решился вопрос о передвижном доме отдыха мотострелков.

Вскоре выбрали для него место. Разбили палатки, расчистили дорожки, оборудовали столовую, медпункт, достали кухонный инвентарь, посуду.

Возглавить дом отдыха поручили капитану Будницкому. Старшим поваром назначили опытного кулинару Васильева. В помощники ему дали Гарькового, официантками стали Четечкина, Гусарова и другие. На подсобные работы послали пожилых солдат. Выделили автомашины, охрану.

Первые путевки в дом отдыха получили Герой Советского Союза Хардилов, автоматчик Никольский, ездовой Дмитриенко, капитан Медиокрицкий, старший лейтенант Толмачев и другие.

Девять месяцев — вплоть до января 1945 года — просуществовал передвижной бригадный дом отдыха. За это время в нем побывали сотни мотострелков, артиллеристов, минометчиков.

Конечно, его обслуживающему персоналу было нелегко. Ведь постоянно приходилось сниматься с места, двигаться вслед за наступающими частями. Зато воины отдыхали по семь — десять дней, набирались сил для дальнейших схваток с врагом.

Это — один из примеров того, как работники тыловых подразделений выполняли свои обязанности, проявляли инициативу.

Стоял короткий январский день. Легкий морозец не донимал гвардейцев, привыкших к суровым уральским холодам. Солдаты лишь пристально всматривались вперед, по обе стороны дороги, убеждались, что засады нет, и снова двигались на запад, к Берлину.

Первый батальон все время шел в авангарде мотобригады. Он принимал на себя удары обороняющегося противника и тем самым позволял другим подразделениям быстро разворачиваться в боевой порядок.

Впереди, в нескольких сотнях метров, двигалось боевое охранение, а чуть позади находились командир батальона Аникин, его заместитель по строевой части Михаил Толмачев и замполит Константин Шувалов, которого по обычаю звали комиссаром.

И вот сигнал остановки. Замполит подбежал к солдатам.

— До Одера несколько километров. Фашистов на этом берегу нет. Но они его непрерывно обстреливают. Надо строить землянки и укрытия для машин, тщательно маскировать все. Как — сами знаете, не первый раз.

Люди сразу же приступили к работе.

Герой Советского Союза гвардии капитан Константин Шувалов прибыл в нашу бригаду в конце 1944 года, когда мы после ожесточенных сра-

жений в районе Сандомира находились в обороне.

Уже спустя день-другой весь батальон понял: в командирской землянке нового замполита можно застать только поздней ночью. Он все время был с солдатами, проводил беседы, семинары, собрания, политинформации. Через неделю Константин Шувалов знал каждого бойца; откуда он, где работал до войны, где воевал, как знает свои обязанности.

12 января после мощной артиллерийской подготовки начался стремительный бросок к Одеру. Увешанный гранатами, с автоматом в руке шел вместе с мотострелками в атаку замполит. Он не только сам сражался в эти минуты. Шувалов старался проследить, как у кого из бойцов идут дела, и оказывался там, где в этот момент особенно был нужен. Ободрял одних, других хвалил, выручал огнем автомата третьих.

Из подвала крайнего домика неожиданно застрочил пулемет. Солдаты залегли.

— Спокойно, ребята, — услышали они голос Шувалова, — сейчас я его накрою.

Замполит отполз в сторону метров на пятьдесят, затем его фигура промелькнула возле дома. Грохнуло два взрыва.

— Ко мне! Вперед! — крикнул замполит, выскочив из-за дома, откуда только что вел стрельбу неприятельский пулемет.

Вскоре деревня была очищена от противника.

А через день случилось то, что бывает на войне: в самый разгар боя тяжело ранило комбата Аникина. На минуту солдаты растерялись.

С Аникиным они прошли сотни километров, участвовали во многих схватках с врагом.

Но тут раздался голос Шувалова:

— Передать по цепи — командование беру на себя. По сигналу зеленой ракеты всем вперед, продолжать атаку.

Через пару минут зимнее небо прочертила зеленая ракета. С криком «ура!» первым бросился на укрепления неприятеля Шувалов.

— Да, это настоящий комиссар. Учит даже в бою, как надо воевать, — говорили тогда мотострелки.

А сейчас предстояло форсировать Одер.

Теперь батальоном командовал Михаил Смирнов — ветеран бригады. Вместе с Шуваловым он обходил взводы и роты и все приговаривал:

— Капитально устраиваться не надо, не утомляйте себя. Долго здесь не задержимся. Главное — маскировка. Сделать так, чтобы нас не видели, не слышали шума.

Закончился второй день, полный хлопот. А с наступлением третьего противник неожиданно открыл ураганный огонь по площадям. Было ясно, что он не знает, где наши части сосредоточились для форсирования Одера. Ночная мгла осветилась вспышками, заревом пожаров. Тяжелые снаряды крушили деревья, вздымали куски дерна и землю, перепахивали окопы, поднимали над рекой водяные фонтаны. Воздух был до предела насыщен густой и едкой гарью, пылью и дымом. Солдат засыпало землей, отбрасывало взрывной волной, контузило.

Когда огонь утих, гвардейцы стали окликать друг друга:

— Земляк, ты жив?
— Вроде да. А ты как?
— Царапнуло малость.
— Ничего, заживет.
— Шутите, значит? — послышался знакомый голос. — Это хорошо, ребята. С шуткой да прибауткой веселее врага гнать. Главное — с берега его сдвинуть, а потом побежит без оглядки. Надо вам каждому обмозговать, на чем переправляться через реку, как и чем грести. Еще думайте, как на том берегу действовать. Доты там с пушками. Но робеть не надо. У пушек есть мертвое пространство, у пулеметов тоже. Так что нет надежнее от них укрытия, чем когда у самого дота лежишь. Фашист тебя зацепить не может, а ты его в любой момент — гранатой по амбразуре!

Когда замполит на минутку смолк, кто-то из солдат ответил ему:

— Да реку-то мы уже видели. Утречком туда сползали. Не широкая река, поуже нашей Камы. Ну и плотики мы заготовили, и шесты, и пару весел раздобыли. Гранат бы побольше у старшины выпросили, с гранатами-то сподручнее их выкуривать.

— Выходит, вам все ясно, — подытожил Шувалов.

— Конечно.

— Тогда вместе завтра и начнем. Возьмете с собой?

— Хоть сейчас.

— Договорились.

Замполит вылез из воронки, опираясь автоматом о ее край. Вскоре голос его услышали из соседней траншеи. Там собрались другие солдаты,

с которыми он опять просто и задушевно говорил о предстоящем форсировании Одера.

Эта ночь для гвардии капитана Шувалова была самой напряженной. Обойдя все окопы, он собрал парторгов и комсоргов рот, долго беседовал с ними, советовал, как провести накоротке партийные и комсомольские собрания, довести до каждого солдата боевую задачу, что следует сделать для успешного ее выполнения.

Всю ночь кипела работа. По траншеям и ложинам подтаскивали к реке самые разнообразные переправочные средства, собирали их, крепко увязывали. Понимали, что одерский лед не надежен, да и противник, чуть положение обострится, постарается вскрыть ледяной панцирь, чтобы помешать нашим солдатам переправиться через реку.

Перед рассветом 26 января сотни стволов обрушили на вражеские укрепления свои снаряды и мины, прочертили огненные трассы «катюши».

— Вперед! — разнеслась по траншее команда.

— Сюда, ребята, — слышался голос замполита Шувалова, который вместе с комбатом, пригнувшись, побежал к Одеру.

Фашисты сначала молчали. То ли не успели оправиться от арналета, то ли не видели из-за дымовой завесы цепи атакующих.

До середины реки переправа шла успешно. Лишь изредка шлепались мины да над головами пролетали трассирующие пули. Потом впереди вспыхнули ракеты. Они взвились над рекой и осветили атакующих. Ударили крупнокалиберные пулеметы. Откуда-то из-за леса начала стрелять артиллерия, но снаряды падали справа. Затем

они стали рваться на пути. Появились полыньи, вода хлынула из них по уцелевшему еще льду. Тут и пригодились переправочные средства. Их быстро стаскивали в воду и добирались до следующей кромки льда.

Шувалов бежал с автоматчиками взводов Смирнова и Шульги.

— Вперед, ребята, берег близко! Там — земля! — подбадривал он гвардейцев. И короткими перебежками увлекал их за собой.

Вот и берег. Он весь изрыт воронками снарядов, и тут же — уцелевшие от артогня доты, оцетинившиеся огнем орудий и пулеметов.

Бойцы сразу же бросаются на землю.

— Пулеметчики — огонь по амбразурам! — кричит Шувалов, а сам, воспользовавшись их прикрытием, с группой солдат обходит дот с фланга. Несколько гранат — и с гарнизоном вражеского укрепления покончено.

Сбиты с позиций подразделения гитлеровцев. Завоеваны первые сотни метров плацдарма на противоположном берегу Одера. Этого было достаточно, чтобы по бревенчатому настилу сюда переправились остальные роты.

Отбили две жестокие контратаки, поддержанные авиацией. И снова рывок вперед. Взят населенный пункт Ламперсдорф. На этот раз против гвардейцев брошены пятнадцать танков и до полка пехоты.

— Стоять насмерть! Будем отбиваться! — говорил солдатам замполит.

И так восемь дней и ночей. Около пятидесяти контратак отбили гвардейцы. Теперь — путь на Берлин.

Река Шпрее. Гвардии капитан Шувалов опять собирает коммунистов батальона. Говорит кратко:

— Боевая задача — форсировать Шпрее. Наши действия поддерживают огнем пулеметная рота старшего лейтенанта Игнатъева, противотанковых ружей — старшего лейтенанта Помыткина. Переправочные средства уже готовит инженерно-минная рота старшего лейтенанта Коршунова. От нас, коммунистов, будет зависеть весь успех операции. Мы должны показать пример, быть впереди.

Продумали, как распределить силы коммунистов и комсомольцев во взводах, ротах, что сделать, чтобы форсирование прошло быстро, с меньшими потерями.

Окончив это небольшое собрание, Шувалов отправился по ротам разъяснять суть и значение предстоящего боя. А потом завернул к саперам. Прикинул, сколько времени идет на подготовку каждого плота. Понял: многовато, а времени в обрез.

Подошел к командиру роты Коршунову:

— Слушай, для этой переправы такие громоздкие плоты не подходят. Шпрее — река неширокая. Нам будет удобнее проскочить ее на небольших плотиках. Управлять ими легче, плывут они быстрее. А главное, на большие плоты придется садить и больше людей. Это значит: противнику легче будет сосредоточить по нашему десанту огонь. Отсюда и потери возрастут. А на небольших плотиках этого не будет.

— Что ж, ты прав, комиссар, — согласился Иван Коршунов.

сухих бревна, закрепим на них доску и все свяжем скобами и цепями.

Наступило утро. Тишина. Лишь изредка с того берега раздавались пулеметные очереди.

Скрытно подошли к берегу. Каждый знал, на

ОРДЕНА КУТУЗОВА II СТЕПЕНИ БРИГАДА
УДОСТОЕНА В АПРЕЛЕ 1945 ГОДА ЗА
ФОРСИРОВАНИЕ РЕКИ НЕЙСЕ И АКТИВ-
НОЕ УЧАСТИЕ В РАЗГРОМЕ СИЛЬНЕЙШЕЙ
ОППЕЛЬНСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВ-
НИКА.

каком плотике ему предстоит форсировать Шпрее.

Комбат с замполитом и командирами рот еще раз сверили часы.

— Через десять минут начинаем, — сказал Смирнов.

Как было условлено, первую группу возглавил Константин Шувалов. Запрыгнули на плотик и, отталкиваясь шестами, направились к противоположному берегу. Стали отчаливать и остальные.

Противник молчал. Когда же до берега оставалось совсем немного, на десант обрушился шквальный огонь. Появились и самолеты. Река закипела от разрывов снарядов и бомб.

Замполит спрыгнул с плота в воду:

— За мной! Вперед!

Следом за ним ринулись секретарь парторганизации Федор Бугаев, вожак комсомольцев Александр Григоренко, пулеметчик Василий Масленников.

Выскочив на берег, бросились на землю, поползли.

Справа показалась вражеская пехота.

— Вася Масленников! Понимаешь? — крикнул Шувалов пулеметчику.

— Понимаю, — кивнул тот и выдвинулся с «максимом» на удобную позицию. Он подпустил фашистов на близкое расстояние и неожиданно открыл огонь.

К этому времени на берег переправились остальные роты батальона.

С помощью танкистов и артиллеристов мотострелки отразили и следующий отчаянный натиск. Пехота противника в беспорядке отступила, многие солдаты бросали оружие, сдавались в плен.

— Кажется, все, — сказал комбат своему заместителю, — теперь идем дальше.

— Да, идем дальше, — ответил Шувалов.

Берлин был совсем уже рядом.

БЕЗАМБРАЗУРНЫЙ ДОТ

Я сидел в своем наскоро сработанном блиндаже и внимательно, вероятно в сотый раз, всматривался в топографическую карту. Это был район реки Одер, которую нам предстояло форсировать, создать плацдарм и начать решительное наступление на Берлин. Первая попытка преодолеть этот водный рубеж в районе города Штейнау не увенчалась успехом. Противник, видимо, предугадав наши замыслы, сосредоточил там большие силы, взорвал мосты, ликвидировал все подручные средства переправы.

Нужно было найти другое, более удобное место для преодоления Одера.

Разведчики, не отрываясь, вели наблюдение за противником, засекали его огневые точки, расположение дотов, траншей, места сосредоточения резервов. На моей карте то и дело появлялись новые условные обозначения.

С командного пункта бригады прибыл посыльный:

— Товарищ гвардии майор, вас вызывает гвардии полковник Ефимов.

Возле взорванного моста на примитивном командном пункте расположились командир корпуса генерал Белов, комбриг Ефимов и начальник политотдела Глухов.

— Ну, разведчик, докладывай свои последние данные, — сразу приступил к делу Ефимов.

Я развернул карту и стал излагать то, что удалось узнать о силах врага, системе обороны, огневых позициях. Упомянул и о дотах, которые были значительно крупнее, чем те, что встречались на Сандомирском плацдарме и на Висле.

— Да, я их тоже заметил, — сказал комбриг. — Но сейчас пойдет речь о другом. Нужно послать разведку на тот берег: собрать самые полные данные о противнике. Буквально все, и обязательно достать пленного чином покрупнее. Группу возглавите вы. Подберите самых проверенных в боях, ловких и находчивых.

Стали называть, кого назначить в эту группу.

— Старшего лейтенанта Кедыша, сержантов Арбузова, Куринного, Лихачева, Воронина, Панченко, переводчика Паньковского...

Через час собрали двадцать восемь бывалых разведчиков. Объяснили, какая ответственная задача возлагается на нас.

Глубокой ночью разыскали батальон Дозорцева, договорились о совместных действиях. Комбат направил с нами свой разведвзвод. По лесным тропинкам мы благополучно вышли на берег Одера, разбились на несколько мелких групп: каждая принялась изучать свой участок.

Запоминали все: где траншеи, заграждения. Но особенно нас интересовали доты. Они располагались один от другого метров за двести. С соседними каждый соединялся глубокими траншеями с пулеметными точками. Вдоль траншей в несколько рядов протянута колючая проволока. Доты большие, с несколькими амбразурами.

Один из них — массивный, приземистый — привлек внимание: как я и Дозорцев ни наблюдали

за ним, не смогли обнаружить ни одной амбразуры. Его-то и взяли основным ориентиром при форсировании.

Впереди, по неверному, с проталинами льду ползла усиленная группа Ивана Кедыша, следом —

ОРДЕН АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО БРИГАДЕ
ВРУЧЕН ЗА ОВЛАДЕНИЕ ГОРОДАМИ РА-
ТИБОР И БИСКАУ И УНИЧТОЖЕНИЕ РА-
ТИБОРСКОЙ ГРУППИРОВКИ ВРАГА, ПЫ-
ТАВШЕЙСЯ ПРОРВАТЬСЯ В ГЛУБЬ ГЕРМА-
НИИ.

я и Паньковский с остальными разведчиками. С помощью подручных средств бесшумно, очень быстро переправились через реку и внезапно атаковали врага. Рукопашная схватка в окопах была стремительной.

Взятых в плен допросили тут же, в траншеях. Оказалось, что этот дот — один из командных пунктов одерского укрепрайона. Амбразур у него действительно не было. Единственный вход охраняли двое солдат с автоматами и фаустпатронами.

Убрали их бесшумно. Ворвались в дот, я и переводчик приказали гарнизону сдаться. Некоторые из гитлеровцев схватились за автоматы, но разведчики быстро их успокоили.

В числе тридцати пленных оказался майор СС,

представитель ставки Гитлера в Верхней Силезии. Его немедленно доставили в штаб бригады.

Пленный подробно рассказал о системе оборонительных сооружений на Одере, намерениях своего командования, численности и нумерации частей, находящихся на оборонительном рубеже, дал подробную характеристику остальных дотов. Оказывается, они были трехэтажными, имели по четыре — шесть орудий, более двух десятков пулеметов, гарнизон каждого насчитывал 120—180 человек. Показания офицера подтвердили захваченные в доте документы.

Все эти данные, разумеется, были использованы при дальнейшем форсировании Одера батальонами Ф. И. Дозорцева, Б. И. Жицкого, а также другими подразделениями бригады и частями 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко. Они помогли быстро и почти бескровно овладеть мощными укреплениями врага.

«ХИРУРГИ» БОЕВЫХ МАШИН

Наша рота технического обеспечения бригады расположилась чуть в стороне от шоссе, ведущего в город Оппельн. Всего в пяти-шести километрах от нас мотострелки и танкисты вели очередной бой с противником. Мы же занимались своим обычным делом — ремонтировали танки, орудия, минометы, автомашины. Автотехник Тимофей Власов с Сергеем Бондаренко заканчивали регулировку заднего моста ЗИСа, покалеченного осколком во время обстрела. Анатолий Акимов и Николай Пичугин крутились около противотанкового орудия, заменяя пробитый щит и устанавливая новое гнездо для панорамы. Эту пушку привезли накануне и очень просили как можно быстрее ее отремонтировать. И она уже почти готова.

Я не удивлялся, что ребята так быстро справились с заданием. Ремонт они начали под вечер, не прекратили и ночью и теперь, довольные, подшучивали друг над другом.

Почему-то мне вспомнился тот день, когда эта четверка прибыла в роту. Подошли ко мне чем-то недовольные, хмурые.

— Что у вас случилось? — спросил я у них.

Ребята помялись немного, переглянулись. Бондаренко слегка толкнул Власова:

— Говори.

— Да, знаете, товарищ старший лейтенант, — начал Власов, — нам бы не хотелось заниматься ремонтом, торчать где-то позади окопов. Нам бы в мотострелки или в артиллеристы — своими руками уничтожить фашистов.

Я не удивился таким словам. Ведь почти все добровольцы стремились именно только воевать.

— Видите ли, бой без потерь не бывает. Разбиваются также и механизмы. А новые мы не всегда можем получить. Значит, следует их восстанавливать тут же, на передовой. Вы же — опытные слесари, сварщики, токари. Вот вам и поручено это важнейшее дело.

Ребята поняли, какую ответственную задачу возлагают на них. С помощью артиллерийских мастеров они быстро освоили ремонт орудий, минометов, научились восстанавливать подбитые танки и вновь вводить их в боевой строй. Работали, не считаясь со временем, недосыпали.

Вот и на этот раз. «Хозяева» орудия и автомашины просили закончить ремонт к вечеру, а сделали за ночь.

Принимая от них работу, я предложил им немедленно отправиться на отдых. Но тут зазвонил телефон.

— Около переднего края, на шоссе, подбиты три грузовика с боеприпасами. Немедленно их восстановить!

Вызываю техников-лейтенантов Ухова и Грузина. Даю задание: выехать с ремонтной бригадой на «летучке» к подбитым автомашинам.

На поврежденные машины наткнулись быстро. Грузин, Ухов, Еловииков сразу же бросились к ним, начали определять, что же нужно ремон-

Получен новый приказ. Комбат Ф. И. Дозорцев разъясняет задачу политработникам.

тировать. А ремонтники уже подтаскивали запасные части, инструмент.

У одной машины осколками снаряда разнесло радиатор, выхлестнуло обе фары, у скатов вырвало целые куски резины. Климов и Бондаренко быстро притащили новый радиатор и только успели сбросить старый, как над шоссе появились «мессершмитты».

— Ложись! — крикнул Ухов.

Самолеты сделали один заход, второй. Сбра-

сывали бомбы, обстреливали из пулеметов. Только они улетели— по шоссе открыла огонь артиллерия. Ремонтники вновь залегли в кюветы. Потом опять налетели самолеты. Но как только утихли взрывы, ремонтная бригада снова принялась за работу. Через два часа все три машины были восстановлены и ушли с боеприпасами к передовой.

Нередко ремонтным бригадам приходилось действовать не только своими инструментами, но и автоматами.

Вспоминаются бои на Сандомирском плацдарме. Одну из батарей срочно перебросили на другой фланг для отражения натиска танков. Двигалась она, можно сказать, прямо на виду у противника. Осколками снаряда повредило орудие, двигатель и электропроводку автомашины.

На выручку орудийному расчету и водителю прибыли начальник технической части дивизиона капитан А. Романенко и автотехник старшина В. Берестов. Добрались по-пластунски и начали ремонтировать. Только привели в порядок электропроводку, как противник открыл по ним стрельбу. После короткого огневого налета пустил автоматчиков.

В ход пошла поврежденная пушка, а Романенко и Берестов взялись за автоматы и били из них по вражеским солдатам. Отбив атаку, вновь принялись за ремонт двигателя.

Так повторялось трижды. Свыше трех десятков вражеских солдат и офицеров уничтожили в этой непредвиденной схватке капитан Романенко, старшина Берестов и артиллерийский расчет.

Когда ремонт подходил к концу, появились

наши танки с пехотой. Так что завершали работу уже в более-менее спокойной обстановке.

Восстанавливать боевую технику во фронтовых условиях было нелегко. Хорошо, если бригада располагалась в каком-либо городе или селе, где имелись заводы, мастерские, различные цехи. В основном же работать приходилось зимой и летом, весной и осенью под открытым небом. И войны трудились, не жалея ни сил, ни времени. Знали — без техники не обеспечишь успех боя.

Я родился и вырос на Украине. Много слышал об Урале, его грандиозных стройках, о замечательных делах его людей. На фронте тоже не раз довелось услышать про упорство и смекалку воинов-уральцев. Но впервые встретился я с ними в 1943 году, когда после госпиталя меня направили в 29-ю мотострелковую бригаду.

Получил назначение в Пермский мотострелковый батальон, которым тогда начал командовать капитан Дозорцев. Нашел Федора Ивановича на опушке леса. Представился.

— Что ж, будем воевать вместе. Народ у нас замечательный. Все — добровольцы. Смотрите — это мои земляки, — показал Дозорцев на шестерых спавших рядом солдат. — Крайний — Рыскалов, рядом с ним — Красильников. Оба из Перми. Остальные — Федосеев, Чернышов, Карагодин, Чередниченко — из Березников.

— Вы тоже с Урала? — спросил я Дозорцева.

— Да, считаю себя уральцем. Я — из Тюмени. Живем рядом. Леса у нас одинаковые, морозы тоже.

В деле своих новых боевых товарищей я увидел под Унечей. Тогда мы почти с марша подошли к городу. Командир батареи старший лейтенант Бородин с ходу приказал отцепить орудия, и расчеты немедленно открыли огонь. Иван Красильников первыми же снарядами накрыл не-

сколько огневых точек, а Чернышов разбил два вражеских бронетранспортера. Все действовали четко, будто рабочие в цехе, с полуслова понимали друг друга.

Гранатами, короткими автоматными очередями мы выбивали фашистов из домов и все ближе продвигались к центру города. В одном из дворов по нам неожиданно хлестнула пулеметная очередь. Огонь вели из сарая.

Федосеев поднял руку, просигналил Рыскалову, Чередниченко, Карагодину. Они поползли, обтекая сарай с обеих сторон. И, заняв удобные позиции, ударили по нему из автоматов. С огневой точкой было покончено.

Смекалка, находчивость, взаимная поддержка в ходе боя, стойкость — вот чем порадовали меня мотострелки, с которыми я начал воевать. Сколько раз случалось шагать в атаку в непогоду и слякоть, оставаться по несколько дней без пищи, но никто не сетовал на трудности.

О находчивости добровольцев с Урала можно рассказывать без конца. Вот один лишь эпизод.

Дело было на Одере. Преодолеть его первым должен был наш батальон. Чтобы обмануть противника, капитан Дозорцев пошел на хитрость: приказал взводу мотострелков запустить мотор трактора и открыть стрельбу, имитируя ложную переправу в другом месте. Противник перебросил на этот участок несколько подразделений. Мы воспользовались тем, что оборона намеченного нами района ослабла, и стали перебираться на противоположный берег.

Тот, кто форсирует водную преграду, стре-

99

мится побыстрее выбраться на сухое место и вступить в бой. Но наши пулеметчики схватку с врагом начали еще в реке. Вот что они придумали. Богачук — самый крепкий в расчете — тащил пулемет на спине, Пробитной сматывал отстрелянные ленты и нес через плечо коробки с патронами, Блан и Мисько поддерживали пулемет за катки, а наводчик Ковш вел стрельбу. Так и шли через Одер, поливая огнем вражеские огневые точки.

Примеру этих комсомольцев последовали небойщики. Старшина Акимов положил ствол противотанкового ружья на плечо наводчика и меткими выстрелами уничтожил три пулеметные точки.

Раненые не покидали товарищей. Они знали, что должны оставаться в строю.

Так дошли до противоположного берега, захватили плацдарм. И тогда капитан Дозорцев послал командиру бригады свое первое донесение:

— Кусок заодерской земли наш. Захвачены два бетонированных дота. Жду поддержки. Иду на деревню Дибан.

ДНЕВНИК КОМСОРГА

Из многих своих документов я особенно бережно храню фронтовой блокнот. Его я получил в подарок. На обложке надпись: «26 лет Красной Армии». Ниже: «Слава героическим воинам!» и «Бойцу от пермяков». На обратной стороне обложки стихи:

«Защитник отважный Отчизны родной,
Товарищ, тебя мы не знаем.
Но в жизни походной твоей боевой
Удачи и счастья желаем».

Будучи комсоргом батальона, я записывал в этот блокнот, что важного случилось за день, кто из мотострелков отличился в бою, кого приняли в комсомол, какие поручения даны активистам и многое другое. Читая сейчас эти короткие записи, я вспоминаю своих боевых друзей, передо мной встают мельчайшие подробности тех трудных и жарких дней.

«13 января 1945 г. младшие лейтенанты Сабада и Коротыч, лейтенант Рютин, встретив разведку противника, уничтожили ее. Вскоре Сабада с мотострелками уничтожил 17 фашистов, рядовой Рудницкий подбил «тигр».

Эти несколько строк напоминают мне, как смело и находчиво сражались добровольцы в тот январский день.

Накануне, 12 января, наша бригада была введена в прорыв в районе населенных пунктов

Каштелян и Шидлув и сразу же ввязалась в бой у деревни Пожница. Группе фашистских разведчиков удалось просочиться через наш боевой порядок. Обнаружив их, Сабада, Рютин и Коротыч не растерялись: сразу же пустили в ход автоматы.

В полдень неприятель начал очередную контратаку. Построил ее хитро: против левого фланга, где у нас было мало орудий, бросил танки и автоматчиков. Тут и отличился комсомолец Павел Рудницкий. Он пропустил через свой окоп фашистский «тигр» и, изловчившись, метнул под его левую гусеницу противотанковую гранату.

«14 января проведена беседа с молодыми воинами о боевом пути комсомола. Подано пять заявлений о приеме в ВЛКСМ.

24 января. Приняты в комсомол стрелок про-

«Противник занял господствующее положение на правом берегу, сильным огнем, интенсивной бомбардировкой своей авиации не давал возможности нашему батальону переправиться через Днепр. Тов. Шувалов вместе с командиром батальона организовал переправу мелкими группами на лодках и вплавь. После ожесточенной атаки батальон выбил противника из занимаемых им траншей и за 2 и 3 октября отразил 22 контратаки превосходящих сил противника. Тов. Шувалов показал при этом личный пример мужества и отваги, находился все время в боевых порядках подразделений батальона, призывая бойцов, сержантский и офицерский состав: «Ни шагу назад».

(Из наградного листа)

Герой Советского Союза
КОНСТАНТИН ФОМИЧ
ШУВАЛОВ

тивотанкового ружья башкир Рашид Фатыхов, пулеметчик русский Борис Харитонов, автоматчики таджик Займадин Халиков, осетин Иван Пелиев, узбек Мамат Шарипов, украинцы Василий Бондарь, Иосиф Гнедой, разведчики Иван Фасюк, Николай Шмигельский и другие».

Да, это были боевые ребята. Действовали всегда смело, решительно. Когда их принимали в комсомол, они заверили боевых товарищей, что будут сражаться, не жалея сил, сделают все возможное, чтобы добить фашистов в их логове.

И это они доказали, когда на другой день форсировали реку Одер. В числе первых преодолели водную преграду и начали штурмовать вражеские доты.

После захвата плацдарма в блокноте появилась следующая запись:

«Боевая задача была выполнена успешно с незначительными потерями. Героически погиб член бюро ВЛКСМ батальона командир взвода гвардии младший лейтенант Сабада. Многие отличившиеся награждены орденами и медалями».

Чуть ниже:

«После форсирования Одера, 27 января, на окраине деревни Дибан на заседании комсомольского бюро были рекомендованы в партию комсомольцы Трапезников, Чирков, Стародумов, Трусов, Урсов, Куренков, Чебаев и Татьяна Тюлякова, особенно отличившиеся в бою».

Тогда противник никак не ожидал, что наш батальон станет форсировать Одер в болотисто-лесистой местности, через старицу. Поэтому наше появление здесь было неожиданным, и на первых порах враг не оказал сильного сопротивления.

Мотострелки быстро захватили ближние бетонированные доты, ворвались в деревню Дибан. Комсомольцы Куренков, Фатыхов, Стародумов, Шарипов, Чебаев гранатами подавили пулеметные точки в подвалах крайних домов, что позволило быстро захватить деревню. А после боя Чирков, Трапезников, Стародумов, Трусов и другие подошли ко мне и сказали:

— Хотим быть коммунистами. Просим дать рекомендацию комсомольской организации для вступления кандидатами в члены партии.

В последующие дни вынимать блокнот было некогда. Начались ожесточенные контратаки неприятеля. Фашисты непрерывно подбрасывали свежие силы. Стрельба не утихала ни днем, ни ночью. Перемалывая живую силу и технику врага, наши воины расширяли плацдарм, чтобы потом начать решительное наступление на Берлин.

Очередную запись в блокноте я сделал лишь 16 марта:

«Утвержден комсоргом второй роты Левитов вместо раненого Бутусова. Левитов в бою за деревню Фриденвальде уничтожил шесть гитлеровцев. Комсомолец рядовой Квятковский после ранения командира взвода принял командование на себя и успешно атаковал деревню Фриденвальде. Геройски погиб в этом бою комсомолец Шарипов».

На другой день к этой записи добавилось:

«17 марта. Комсомолец рядовой Троценко из трофейного фаустпатрона подбил вражескую самоходку. Пулеметчики Маковецкий и Мышковец уничтожили более 20 гитлеровцев. Рядовой Гук из трофейного пулемета уничтожил 10 фаши-

стов, комсомолец Марчук гранатой подбил вражеский бронетранспортер, комсомолец санитар-инструктор старшина медслужбы Мармуль оказал первую медицинскую помощь 17 раненым, 6 из них вынес с поля боя. Комсомолец Мусатов заменил в бою раненого командира взвода, комсомолец Мельковский отбил от самоходки вражеский десант и обратил его в бегство. Во время разведки Трусов обнаружил на опушке леса пулеметную точку противника и гранатой уничтожил ее. Краевский был ранен, но не ушел с поля боя».

Дальше идут записи о проведенных комсомольских собраниях, на которых обсуждались задачи членов ВЛКСМ и несоюзной молодежи в предстоящих боях; о том, кому посвящались боевые листки, выпущенные в перерывах между боями; об отважных воинах комсомольцах; о предстоящей встрече с войсками союзников. Вот одна из последних записей:

«Под вечер 21 апреля 1945 г. подошли к г. Лукенвальде. На рассвете ворвались в него. Освободили лагерь военнопленных, где находилось 16 тысяч человек разных национальностей. При выходе из лагеря они на разных языках запели «Интернационал».

Это было радостное и в то же время печальное зрелище. Радостное потому, что мы, уральские добровольцы, спасли от смерти этих людей. И в то же время сердце щемило при виде изможденных узников лагеря, которые едва держались на ногах, одетые в лохмотья, в опорки, в деревянные колодки. Но они, счастливые, пели, пролетарский гимн, гимн солидарности трудящих-

ся всего мира. И мы чувствовали, что это благодарность нашей социалистической Родине, ее армии, которая принесла им свободу.

Двойной праздник — 75-летие со дня рождения В. И. Ленина и взятие города — командова-

16 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА НАЧАЛАСЬ БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ. БРИГАДА УСПЕШНО ФОРСИРОВАЛА РЕКУ НЕЙСЕ И ОВЛАДЕЛА 12 ГОРОДАМИ (В ИХ ЧИСЛЕ КОТБУС, ЛУКЕНВАЛЬДЕ). ЭТОТ ПОДВИГ ГВАРДЕЙЦЕВ-МОТОСТРЕЛКОВ ОТМЕЧЕН ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

ние батальона решило торжественно отметить, водрузив над Лукенвальде красный флаг.

Капитан Дозорцев сказал: «Поручим это дело молодому коммунисту, комсомольскому вожаку батальона Дзыку». Мы с парторгом батальона А. И. Корсаковым и рядовым А. Н. Волосом взяли кусок красного сукна, вооружились автоматами, гранатами, вошли в дом. Они остались на чердаке: защищать меня огнем, если появится затаившийся враг. Я поднялся на крышу, чтобы закрепить красное полотнище на шпиле. Над головой, ведя огонь из пушек, пролетали фашистские самолеты. Мне дважды пришлось прятать флаг под себя. Но в конце концов флаг был прочно закреплен.

Батальон громким «ура!» приветствовал алый стяг над Лукенвальде. Развеваясь на ветру, он как бы провожал гвардейцев на штурм фашистского логова — Берлина.

К концу дня на опушке леса я был тяжело ранен. Капитан медицинской службы И. Е. Пилат сделал перевязку, боевые друзья проводили меня в госпиталь. Там же через месяц за бой под Лукенвальде мне был вручен орден Отечественной войны I степени.

На этом кончились мои записи в блокноте, кончилась моя фронтовая жизнь. Друзья-однополчане пошли на штурм Берлина, а затем маршем через Рудные горы на помощь восставшему населению столицы Чехословакии — Праги...

Когда праздновалось тридцатилетие Победы, бургомистр города Манфред Юнгерман прислал мне приглашение на торжества в Лукенвальде. Город преобразился, появились новые, выпускающие мирную продукцию, заводы, школы, техникумы.

Десять дней промелькнули быстро. Я встречался с рабочими, служащими, учащимися, рассказывал им о тяжелых военных годах борьбы с фашистской чумой, побывал у дома, где когда-то развевался вывешенный нами красный флаг, а также в том месте, где меня ранило.

Как и другим бывшим фронтовикам, мне приходится встречаться со школьниками, молодыми рабочими. Доводилось беседовать и с нынешними солдатами — теми, кто сегодня приумножает славные боевые традиции отцов. Такие дружеские беседы иногда продолжаются часами.

схемы боевого пути части, фотографии ее ветеранов. Чувствуешь: наследники не забывают подвиг тех, кто в трудный час защитил Родину.

— Одному из таких солдатских музеев я подарил свой блокнот, сохранив для себя его копию.

ПОСЛЕДНИЕ КИЛОМЕТРЫ

И вот настал день, которого ждали, к которому стремились все четыре года войны: советский солдат дошел до Берлина. Завязались бои на окраинах и улицах. Мотострелковой бригаде было приказано овладеть островом Ванзее. Как потом выяснилось, на острове насчитывалось 20 тысяч солдат и офицеров противника. В основном это были эсэсовские подразделения, обильно оснащенные огневыми средствами. Оставлять их у себя на фланге или в тылу, когда наши части рвались к центру фашистской столицы, было рискованно.

Меня вызвал комбриг Ефимов:

— Опять, Федя, тебе придется начать форсирование и первым врываться на остров.

— Что ж, сделаем, — отвечаю я. — Только на чем будем переправляться?

— Даем твоему батальону шесть «амфибий». Силы там у противника немалые. Нужно все основательно продумать, взвесить.

Уточнили детали. Подготовил батальон к преодолению канала, отрезающего нас от острова Ванзее. Выслал к острову разведку на лодке. Разведка доложила, что противник занимает оборону у самого канала, боевые порядки очень плотные.

ночи без артподготовки. Сначала все шло тихо, но на середине канала противник осветил нас прожекторами. Моя «амфибия» и соседняя сразу попали под лучи, тут же были накрыты огнем и вышли из строя.

Бросаемся к берегу вплавь. Выбираемся на сушу под яростным обстрелом. Стреляют из пулеметов, автоматов, минометов, орудий, особенно из фаустпатронов. Укрывшись под крутым обрывом берега, начинаем уточнять силы противника.

Рядом со мной оказался мотострелок Иван Насыров. Приказываю ему:

— Немедленно плыви обратно. Доложи комбригу и начальнику штаба батальона капитану Баркану: для переправы через канал «амфибии» не годятся. Слишком крупные и уязвимые. Пусть берут лодки и на них переправляют весь батальон. Понял?

— Понятно.

— Доберешься?

— Постараюсь.

— Давай, плыви.

А бой уже закипел. Мои ребята зацепились за первые метры суши и шаг за шагом выбивали фашистов с их позиций. Особенно храбро дрался старшина Николай Корчуков.

Лучи прожектора, ослепляя нас, продолжали скользить по свинцовой глади канала, по захваченной нами кромке берега. Мы все были как на ладони. Ликвидировать прожекторы: взялись бронбойщики.

Батальон сумел захватить первую и вторую линии траншей. Плацдарм стал шире. Вскоре к

нам переправились 1-й и 2-й мотострелковые батальоны. Усилили огонь артиллеристы и танкисты, которые стреляли через канал.

Фашисты не считались с потерями. Бросили против нашего батальона полк пехоты и около пятидесяти танков. Тяжело бы нам пришлось, но выручили трофейные фаустпатроны, склад с которыми мы захватили тут же на острове, и переправившиеся танки бригады полковника И. И. Прошина. Отбросив танки противника, стали вышибать фашистов из зданий, превращенных в очаги сопротивления.

На исходе суток саперам удалось навести переправу, и на остров перебрались наши танки, артиллерийские расчеты. Бой разгорелся с новой силой. В ходе его мы захватили южную и юго-восточную часть Ванзее. Однако гитлеровцы продолжали оказывать сопротивление в северной и восточной части, а также в районе Ной-Бабельсберга и Замка, где находился дипломатический корпус всех аккредитованных в фашистской Германии государств.

На штурм Замка двинулись все три мотострелковых батальона, пермские танкисты и минометчики. Справа — батальон капитана Смирнова, слева — капитана Семина. Нам же поставили задачу: пойти в обход и нанести удар с тыла.

Мы стремительно ворвались в траншею, автоматным огнем и гранатами уничтожили и рассеяли основные силы обороняющихся. И тут внезапно с тыла ударил вражеский пулемет. Мы прижались к земле. Замполит капитан Вевер и три автоматчика подползли к пулеметному расчету и гранатами уничтожили его.

Возвращаясь, мы наткнулись на замаскированные вражеские танки. Насчитали их двадцать. Что делать?

Выждали немного, а потом разом ударили по ним противотанковыми гранатами, били фауст-

ВЫСОКО ОЦЕНИЛА СТРАНА ГЕРОИЗМ
ВОИНОВ-УРАЛЬЦЕВ В ДНИ ЗАВЕРШЕНИЯ
РАЗГРОМА ГИТЛЕРОВСКИХ ПОЛЧИЩ. ЗА
ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЙ
КОМАНДОВАНИЯ В БОЯХ ЗА БЕРЛИН
БРИГАДЕ ВРУЧЕН ОРДЕН ЛЕНИНА.

патронами. Почти одновременно вспыхнуло пять машин. Фашисты не выдержали, разбежались и скрылись в прилегающем лесу.

Почти пять суток шел бой на острове Ванзее. К утру 2 мая, спустя сутки после того, как над рейхстагом взвилось Красное Знамя Победы, остатки эсэсовских частей на острове прекратили сопротивление.

А через несколько часов мы узнали, что берлинский гарнизон капитулировал.

Танки по сигналу ракеты рванулись вперед. Противник огрызался слабо: немногие его огневые точки уцелели после нашей артподготовки. Но по мере продвижения сопротивление усиливалось. Возле «тридцатьчетверок» стали чаще взматываться разрывы снарядов.

Мы, автоматчики, примостившиеся на броне машин, пристально всматривались вперед.

И вдруг снаряд ударил в наш танк. Сверкнуло пламя, раздался оглушительный взрыв. Я почувствовал резкую боль во всем теле, шум в голове. Успел подумать: «Только бы не упасть с танка».

Очнулся уже на земле. Было тихо и холодно. С большим трудом открыл глаза. Высоко в небе горели звезды. Вспыхивали ракеты, и звезды меркли, стремительно удалялись ввысь. Где-то в стороне изредка и громко постукивал крупнокалиберный пулемет.

Я пошевелился, и снова тысячи горячих игл пронизали тело. Потом боль прошла, лишь горела левая рука, будто в рукаве шинели были натолканы горячие угли. Я вытащил из кармана индивидуальный пакет, разорвал зубами чехол, насколько смог, поднял рукав шинели, стал бинтовать руку. Вдруг почти рядом послышались голоса. Я обрадовался. Прислушался... Отчетливо долетели слова чужой речи. Фашисты. Они могли

подойти ко мне каждую минуту. Я знал, что они добивают раненых. Быстро засунул бинт под себя и притворился мертвым.

Сколько так лежал — не помню. Голоса то приближались, то становились тише. Так и боль.

Когда немного полегчало, попытался вспомнить сегодняшний бой.

Утром мы заняли полустанок и окопались в поле. Впереди виднелись домики и небольшой сад, а за ним укрепились гитлеровцы. Одна из самоходок двинулась туда на разведку, возле сада ее подбили, и я видел, как механик-водитель отполз в тыл с оторванной рукой. Целый день шла перестрелка. Когда начало смеркаться, фашисты открыли сильный огонь из орудий и минометов. Убило командира взвода. Командование принял его помощник старший сержант Петрунин. Противник несколько раз поднимался в атаку, но мы отбили их.

Потом взвод прикрывал правый фланг бригады и оказался в полукольце. Был получен приказ отойти. Ползли по липкой, сырой глине, проваливались в воронки с водой, тащили на плащ-палатках раненых товарищей.

Около железной дороги отдохнули, пополнили запас патронов, затем сели на танки. Надо было выбить засевший в нашем расположении вражеский клин. Танки помчались по полю. Я стоял у башни...

Мысли перенеслись к родному дому. «Наши, наверное, спят», — подумал я. Вспомнил свое село Верхне-Мошево под Соликамском, берега Камы, прохладу лугов...

Я снова открыл глаза.

Но почему не видно звезд? Раздвинул веки пальцами. Звезды сверкнули маленькими огненными точками и опять скрылись. Стало темно. Страшно поверить этому.

Лежу на сырой земле и не могу пошевелиться, тело обмякло. Тишина, безмолвие. Потом опять послышались голоса. Шли наши. Я крикнул. Слышу, подходят ко мне, а кто, не вижу. Вот он тронул меня за плечо:

— Живой, браток? Я сейчас. Тут наши, уральские.

Через несколько минут опять послышались голоса. Узнаю по говору автоматчика Двинянинова.

— Ваня, ты живой? Ваня?.. — говорит он.

— Живой, Вася. Только что-то с рукой, не пойму.

Двинянинов ножом разрезал рукав шинели, перетянул руку. Подбежал еще один земляк — Сюткин из Усолья. Подняли меня, но идти я не мог. Оказалось, перебита нога. Товарищи подхватили меня и понесли.

Везли на повозке. Рядом стонал солдат. Потом я услышал сквозь забытье жалобный женский голос:

— Ой, этот умер.

Вначале я не понял, о ком шла речь. Сообразив, что обо мне, сказал:

— Не хороните, рано.

— Живой! Скорее в операционную!

Мокрая марля легла на лицо. И мне кажется, что иду я по тракту в родное Верхне-Мошево. По сторонам шумит рожь. Из-за поворота показался друг детства Василий Двинянинов. Я кричу ему, машу рукой, руке больно, а друг убегает.

Я кричу, ругаю самыми страшными словами.

— Очнулся.

— Кто это? — спрашиваю.

— Я врач. Лежите спокойно.

Сразу почувствовал боль, и стало стыдно. Врач, наверное слышала, как я ругался.

— Доктор извините меня.

— Ничего, у нас так бывает. Успокойтесь...

Через несколько дней я попросил сестру снять с глаз повязку. Она сняла ее, промыла глаза. Но кругом темно.

— Сестра, сейчас ночь?

— Нет, солнце. Ты не видишь? Не бойся, вылечим.

На самолете меня отправили в Шепетовку. Потом долго везли на санитарном поезде. В Житомире поезд попал под бомбежку. Затем Киев, глазной госпиталь. Невыносимо чесались глаза. Врачи уверяли, что я буду видеть. И снова в путь. На этот раз в Челябинск.

Зажили раны на руке и ноге, зарубцевались на груди и на лице. Только все не снимали повязку с глаз. Но я ни на минуту не допускал мысли, что буду слепым. Верил: скоро увижу свет, и эту веру поддерживали врачи.

Пришел день, когда с моих глаз сняли повязку. Зрение — полтора процента. Различаю только свет. Уехал домой. Врачи сказали, что зрение медленно, но восстановится. Так я стал жить надеждой.

Дали путевку на курорт. Здесь изучил систему письма для слепых. Пошло на поправку. Дошло до четырех процентов.

Подружился там с земляком Николаем. Он учился на подготовительных курсах при Пермском педагогическом институте. Все твердил мне, что пусть слабы глаза, но я обязательно должен браться за книги.

— Но как же учиться, если я плохо вижу! — говорил я.

— Ну и что? Я вот учусь, буду преподавать ребятам в школе.

Много и горячо говорил Николай о работе, о необходимости повышать свои знания, чтобы приносить пользу людям. И эти разговоры запали мне в душу.

На курсах при пединституте, узнав, что мое образование — всего семь классов, не хотели со мной разговаривать. Я не отступаю. Решил написать письмо Михаилу Ивановичу Калинин. Вскоре из Президиума Верховного Совета СССР пришел положительный ответ.

Как я был рад этому! Силы у меня прибавилось. За короткий срок освоил программу десятилетки. Получил аттестат зрелости и поступил в пединститут.

Орденом Славы III степени награжден за героизм, проявленный в боях за Каменец-Подольский, Львов и на Сандомирском плацдарме.

Орденом Славы II степени — за уничтожение вражеских танков в январе 1945 г.

Орденом Славы I степени — за смелые действия при форсировании реки Одер, захват плацдарма, уничтожение двух танков «тигр» и одного орудия.

Полный кавалер ордена Славы гвардии
сержант

**ИВАН ЕФИМОВИЧ
КУРГУЗОВ**

Первый, потом второй курс. Студенческая жизнь стала привычкой. На третьем поехал в Одессу, к знаменитому на весь мир академику Филатову. Поездка дала еще несколько процентов зрения. Вернулся в Пермь перед самыми экзаменами, предлагали еще подготовиться, назначали другой срок. Я не соглашался.

— Понимаете, у меня нет времени ждать, переносить экзамены. Время очень дорого, — твердил я. И экзамены сдал.

Летом 1949 года я снова в Одессе. Долго осматривали врачи, совещались и только потом сказали правду: больше ничего сделать невозможно.

В мрачном настроении возвращался домой. Но впереди ожидали защита диплома и большая благородная работа по воспитанию ребятшек. Как ни тяжело было, боль свою постарался спрятать поглубже.

Через год закончен институт. Получил направление в Соликамское педагогическое училище преподавать историю.

Работа полностью захватила меня. некогда было думать о своем горе. Избрали секретарем партийной организации. Уроки, занятия в школе слепых, партийные поручения — все это наполнило жизнь новым большим смыслом. Я забыл о недуге, но коварная болезнь потихоньку делала свое дело. Врачи запретили мне работать.

Уехал в свое село. Но сидеть без дела не хотелось. Опять взялся за работу. Уже не в школе, а в учебно-производственных мастерских общества слепых. Так что, пока есть силы, строй не покину.

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

В тот летний день 1972 года мне казалось, что автобус еле ползет и слишком долго стоит на остановках.

Почти тридцать лет не был я в этих местах, хотя все время собирался посетить их. Ведь здесь мы, уральские добровольцы, разгромив в тяжелых боях крупные части немецко-фашистских войск, перерезали железную дорогу и шоссе между Проскуровом и Тернополем.

Нелегко нам пришлось отстаивать захваченные Фридриховку и Волочиск. Весенняя распутица превратила дороги в сплошное месиво грязи. Наши машины и танки из-за этого не могли подойти. От непрерывно наседающего противника приходилось отбиваться почти одним легким оружием. Боеприпасов было в обрез. И все же мы выстояли. Захваченный рубеж удержали.

И вот спустя три десятка лет, воспользовавшись очередным отпуском, я еду туда, где навсегда остались лежать многие мои боевые товарищи.

За окном мелькают населенные пункты. Совсем не такие, какими мы их видели тогда, в сорок четвертом. Вместо белых соломенных хаток — утопающие в зелени садов прочные кирпичные дома, крытые железом и шифером. По дорогам, поблескивающим асфальтом, то и дело проносятся автомашины.

Вот и конечная остановка. Выхожу и не узнаю ни станцию Волочиск, ни поселок Фридриховку. Они разрослись, объединились и стали называться городом Волочиском.

Старых зданий почти не сохранилось. Я узнал лишь сахарный завод, хотя и там появились новые корпуса, да станционную водонапорную башню. Она осталась такой же, только штукатурка своим слоем скрыла следы от снарядов и пуль. Эта башня доставила нам немало хлопот. На ней противник установил три пулемета, которые простреливали все подступы к станции. Но мы все же заставили их умолкнуть.

Определил я и место, где стояли два вражеских бронепоезда. Не выдержав нашего огня, они, покалеченные, отошли на запад.

Смотрю на здание вокзала. Он — новый, большой, вместительный. А тогда на этом месте торчали разрушенные стены. Мотострелки стояли здесь насмерть, отбивая одну атаку за другой, подпускали гитлеровцев на близкое расстояние и били в упор.

Иду к шоссе (сейчас это просторная улица). Нашу стрелковую роту привел туда старший лейтенант Трунов.

— Ваша задача — не пропустить фашистов в Волочиск, — сказал он.

Несколько часов мы вгрызались лопатами в мерзлую землю, чтобы создать надежные позиции...

Прикрываю на минуту глаза. Как живые, встают передо мной друзья-пулеметчики: Сергей Желнин, эвакуированный из Ленинграда и работавший на Мотовилихинском заводе; водитель

электровоза из Москвы Александр Балеевских; Александр Елькин, Александр Рязанов, Семен Юшков — коренные пермяки... Все они показали, как нужно метко бить врага.

С трудом нахожу место, где стояли наши пулеметы. Вот здесь ранило в глаз Сашу Рязанова. Потом получили ранения братья Сажины — Александр и Николай. Их отправили в наскоро созданный медпункт. Но в ходе одной из атак фашистам удалось ворваться в расположение сахарного завода, где этот пункт размещался. Озверевшие гитлеровцы сожгли всех находившихся там раненых.

Шагаю дальше. В центре города — большая асфальтированная площадь. Вокруг нее — современные гостиница, кинотеатр, универмаг, ресторан, быткомбинат, школа, различные магазины, детские учреждения.

Нашел место, где стоял клуб. Его старенького здания тоже давно уже нет. Вместо него построен красивый Дом культуры, рядом — трехэтажный жилой корпус. Как раз тут в те боевые дни была огневая позиция второго пулеметного расчета. Решил побывать у дома, где меня ранило. Вхожу во двор. В глубине его стоит женщина и перебирает картошку. Поздоровался.

— Что скажете? — спросила она меня.

Сказал, что когда-то тут воевал и был ранен.

— По-моему, тебя в руку ранило. Помню. Тот вижу, лицо знакомое, — ответила она. Узнал и я ее. Припомнили оба бывшее. Потом эта женщина рассказала, как восстанавливали разрушенный боями поселок, как изменился он за послевоенные годы и стал районным центром.

Во время боев местные жители помогали нам доставлять раненых на сборный пункт, был доставлен туда и я. Обнаружить место, где он размещался, помогло здание старой больницы. Вокруг нее вырос целый больничный городок. И здесь мне опять повезло. Около поликлиники встретил тех, кто помогал нам тогда, ухаживал за ранеными: сестер Лидию и Марию Полюх, их соседей Нелю и Александра Полюх, Варвару Козак. Они узнали меня. Вспомнили многое, рассказали друг другу, как живем сейчас.

Посетил я братскую могилу, где похоронены погибшие в боях за Волочиск и Фридриховку. На большой каменной стене выбиты имена тех, кто отдал свою жизнь за Родину.

Много минуло лет с тех пор, как окончилась Великая Отечественная война. Но советские люди не забывают те трудные годы и свято чтут память воинов-героев.

СУДЬБЫ СОЛДАТСКИЕ

На очередное заседание совета ветеранов Уральского гвардейского добровольческого танкового корпуса я пришел пораньше, чтобы еще раз уточнить и согласовать вопросы, которые следовало решить в ходе заседания. А когда осталось свободное время, взял газету «Правда».

Просматривая постановление о присуждении Государственных премий по науке и технике, я неожиданно наткнулся на знакомую фамилию. В числе лауреатов был назван Яков Анатольевич Сосновский. Этого высокого звания он вместе со своими товарищами был удостоен за внедрение на Синарском трубном заводе новой технологии по изготовлению труб, что позволило резко увеличить их выпуск и повысить качество.

Мне сразу же припомнился март 1943 года, когда шло формирование мотострелковой бригады. В один из таких дней прибыла очередная группа добровольцев: коммунисты и комсомольцы Синарского трубного завода. В их числе был и Яков Сосновский.

На вопрос: «Кем хотите быть — автоматчиком, пулеметчиком, связистом или артиллеристом?» он ответил:

— Автоматчиком. Стреляю я хорошо. Ворошиловский значок имею.

В боях Сосновский доказал, что он действительно меткий стрелок. А однажды, когда рани-

ло командира взвода, взял командование на себя и выбил фашистских солдат из населенного пункта.

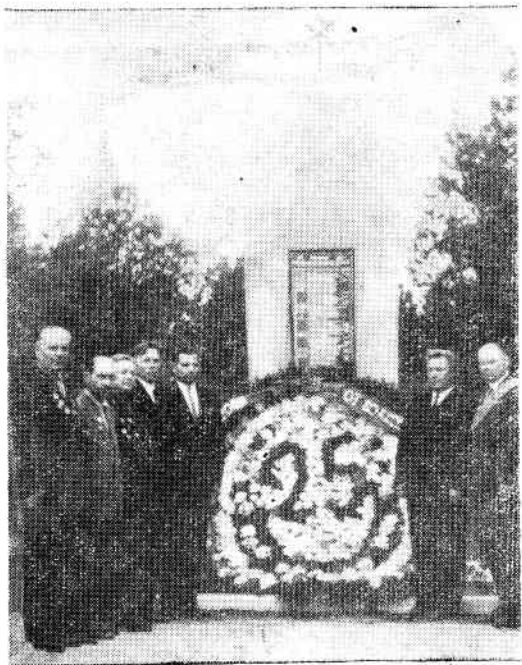
Осенью 1945 года Яков Сосновский вернулся на родной завод. Как он трудится — этому убедительное доказательство медаль лауреата Государственной премии.

Порой из газет, а чаще, переписываясь, встречаясь друг с другом, узнаем мы о судьбах своих боевых товарищей. И каждый раз радостно убеждаться, что фронтовая закалка помогает бывшим мотострелкам и сегодня шагать в первых рядах.

В марте 1944 года в нашу бригаду влилась группа партизан из отряда имени Мельника, прославившегося в боях с фашистскими оккупантами на Правобережной Украине. Восемнадцатилетний Иван Пробитый стал пулеметчиком в Пермском мотострелковом батальоне. За отвагу и героизм его наградили четырьмя орденами и медалью.

После демобилизации Иван Пробитый стал трудиться в родном селе Лесоводы — сначала рядовым колхозником, потом звеньевым, бригадиром. Ныне он руководит колхозом, который считается одним из лучших на Украине. Недавно бывшему мотострелку присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Павел Устюгов начал службу в бригаде санитарным инструктором, потом стал автоматчиком, а завершил войну уже разведчиком. После войны он окончил вечернее отделение Уральского политехнического института, заочную аспирантуру, получил степень кандидата, а через три года — доктора технических наук. Его метод изго-

Ветераны бригады и руководители городских организаций у памятника на братской могиле уральских добровольцев в Унече в день 25-летия освобождения города от фашистских захватчиков. Слева — И. Куринный, М. Атарских, Н. Абрамов, справа — почетный гражданин Унечи В. Пурвинский.

товления немагнитных бандажных колец для турбогенераторов большой мощности широко используется на предприятиях страны.

Доктором технических наук стал и командир отделения бронебойщиков Виктор Николаевич Матюшин. Он доцент Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева, член научно-технического совета Министерства промышленного строительства СССР. Виктор Николаевич написал десятки книг, брошюр, плакатов по вопросам экономики строительства.

Вернулся на родной Нытвенский завод автоматчик Николай Масалкин. Активно участвовал в оснащении его мощностей, реконструкции. Коммунисты завода много лет выбирали Масалкина секретарем парткома.

Старшина, командир взвода, затем роты — таков послужной список кавалера трех орденов Петра Гамарского. С семью ранениями — четыре из них были очень тяжелые — доставляли его в медсанбат и госпиталь. Но каждый раз после излечения Петр Петрович вновь становился в строй. Сейчас П. П. Гамарский возглавляет Верещагинский горкомхоз.

Бывший наводчик противотанкового орудия Асхат Хуснутдинов возглавил среднюю школу в Башкирии. Другой артиллерист Алексей Кутергин — заведующий финансовым отделом горисполкома в Добрянке. Пулеметчик Александр Бердников руководит отделом Пермского горисполкома. Автоматчик Дмитрий Слугин — заместитель начальника отдела внутренних дел города Чайковского. Герой Советского Союза Яков Хардинов, командовавший огневым взводом, — старший

механик Института теплофизики Академии наук Украины. Адъютант командира артиллерийского дивизиона Александр Бодряков — конструктор. Командир взвода разведки Семен Коротаев — педагог одной из пермских школ.

Немалые изменения произошли в судьбах тех, кто остался служить в рядах Советской Армии. Ф. Коротеев, Герои Советского Союза Ф. Дозорцев, В. Смирнов, П. Кулешов окончили военные академии и передают подчиненным свое военное мастерство, учат их всегда быть готовыми к защите социалистической Родины.

Годы идут. Но порой кажется, что энергия наших ветеранов неисчерпаема. Сергей Худяков закончил службу полковником, ушел в запас. Кажется, можно отдохнуть. Но не усидел дома, пошел работать заместителем директора крупнейшей межрайонной школы сельских механизаторов.

Так же поступил и бывший командир отделения автоматчиков, а в мирной жизни — учитель Иван Павлович Олинец. Отдохнул какое-то время на пенсии, подкрепил здоровье и снова вернулся в строй: стал заместителем председателя колхоза.

Где бы ни жили, кем бы ни трудились наши мотострелки, есть у них одна общая черта. Каждый из ветеранов ведет большую военно-патриотическую работу, рассказывает сегодняшним солдатам, молодым рабочим, студентам, школьникам о том, как сражались за Отчизну их отцы и деды.

МОТОСТРЕЛКИ 29-й ГВАРДЕЙСКОЙ —
ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Максим Яковлевич Денисов, гвардии старший лейтенант. Родился в 1913 г. в Ульяновской области. Член КПСС с 1940 г. Принимал участие в боях на Халхин-Голе. В мотострелковой бригаде был командиром роты 3-го (Пермского) батальона. Награжден орденами Александра Невского, Красной Звезды.

Звание Героя Советского Союза присвоено в апреле 1945 г.

Федор Иванович Дозорцев, гвардии полковник. Родился в 1922 г. в Тюменской области. Член КПСС. Воевал на Ленинградском, Брянском и 1-м Украинском фронтах. В мотострелковой бригаде командовал ротой, затем 3-м (Пермским) батальоном.

Звание Героя Советского Союза присвоено в апреле 1945 г. за умелое руководство батальоном, который первым форсировал Одер, захватил и расширил плацдарм на вражеском берегу.

Андрей Илларионович Ефимов, гвардии генерал-майор танковых войск. Родился в 1905 г. в Тамбовской области. Член КПСС с 1939 г. Воевал на Юго-Западном, Волховском, Северо-Западном, Южном, Сталинградском, Брянском, 1-м Украинском фронтах. Занимал должности начальника штаба полка, мотострелковой бригады, начальника оперативного отдела штаба корпуса, офицера связи Генерального штаба, командовал полком и с марта 1944 г. — 29-й Унечской мотострелковой бригадой. В ходе боев четыре раза ранен. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Кутузова II степени, трижды — орденом Красного Знамени, дважды — орденом Красной Звезды.

Звание Героя Советского Союза присвоено в

мае 1945 г. за умелое руководство бригадой в боях за освобождение Праги.

Василий Григорьевич Исаков, гвардии сержант. Родился в 1914 г. в Ленинградской области. Воевал на Ленинградском, 1-м Украинском фронтах. В мотострелковой бригаде командовал отделением.

Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно в апреле 1945 г. за героизм, проявленный при форсировании Одера.

Ахмадул Хозеевич Ишмухаметов, гвардии майор. Родился в 1919 году в г. Лысьве. Член КПСС с 1942 г. Воевал на Западном, Калининском и 1-м Украинском фронтах. В мотострелковой бригаде командовал первым батальоном.

Звание Героя Советского Союза присвоено в сентябре 1944 г. за отвагу и героизм, проявленные при освобождении Львова.

Умер в апреле 1952 г.

Виталий Степанович Смирнов, гвардии младший лейтенант. Родился в 1924 г. в Калининской области. Член КПСС. В мотострелковой бригаде был командиром пулеметного взвода.

Звание Героя Советского Союза присвоено в апреле 1945 г. за героизм, проявленный при форсировании Одера и в боях по расширению плацдарма.

Петр Андреевич Родыгин, гвардии лейтенант. Родился в 1922 г. в Кировской области. Член КПСС. Воевал на Северо-Западном и 1-м Украинском фронтах. В мотострелковой бригаде был командиром взвода Пермского батальона.

Звание Героя Советского Союза присвоено 10 апреля 1945 г. за героизм, проявленный при форсировании Одера.

Погиб 29 апреля 1945 г. при штурме Берлина.

Яков Давыдович Хардилов, гвардии старший лейтенант. Родился в 1910 г. в г. Кургане. Член КПСС. Воевал на Брянском и 1-м Украинском фронтах. В мотострелковой бригаде был командиром огневого взвода.

Звание Героя Советского Союза присвоено 12 мая 1944 г. за героизм и отвагу, проявленные в боях за город Каменец-Подольский.

Николай Александрович Худяков, гвардии младший сержант. Родился в 1925 г. в г. Челябинске. В мотострелковой бригаде служил с первых дней ее создания. Был наводчиком противотанкового ружья.

Звание Героя Советского Союза присвоено за героизм, проявленный в боях в районе поселка Фридриховка и станции Волочиск.

Константин Фомич Шувалов родился в 1912 г. Работал в г. Соликамске. Член КПСС с 1940 г. В мотострелковой бригаде был заместителем командира батальона по политчасти.

Звание Героя Советского Союза присвоено за мужество и отвагу, проявленные при форсировании Днепра.

ПОЛНЫЕ КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СЛАВЫ

В бою за польский город Кельце автоматчик **Владимир Аркелович Даллакаян** заменил раненого командира взвода, смело и решительно руководил взводом в бою, уничтожил два вражеских бронетранспортера.

При форсировании Одера одним из первых переправился на правый берег, уничтожил четыре огневые точки, участвовал в захвате двух дотов.

Орден Славы I степени Даллакаяну вручен за отвагу, проявленную при уничтожении окруженных оппельнской и ратиборской группировок противника.

В январе 1945 г., отражая атаку противника у польского местечка Лесенице, **Анхоф Гамильянович Хуснутдинов** уничтожил батарею и пять авто-

машин врага. На Сандомирском плацдарме подбил два тяжелых танка фашистов. Во время форсирования Одера уничтожил два орудия и несколько пулеметов противника. Отличился в боях за Берлин и Прагу.

Кроме ордена Славы всех степеней, награжден орденом Отечественной войны II степени.

В боях за Каменец-Подольский **Виктор Филиппович Шлыков** был наводчиком артиллерийского орудия, уничтожил три танка противника. Во время уличных боев во Львове подбил вражеский танк, подавил огонь минометной батареи, уничтожил пять пулеметов, три автомашины с боеприпасами и наблюдательный пункт. Геройски сражался на Одерском плацдарме, в Берлине и Праге.

До войны **Степан Иванович Шишкин** работал мастером по добыче золота. В мотострелковой бригаде возглавлял инженерную разведку. Под огнем противника прокладывал проходы через минные поля, заболоченную местность, строил мосты, переправы.

Награжден орденом Славы всех степеней, орденом Отечественной войны II степени и орденом Красной Звезды.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Абрамов. Добровольцы Урала	8
В. Митягин. В боевых порядках пехоты	20
А. Байбарин. Солдатская сноровка	29
Р. Анисимова. Жена командира	32
В. Пурвинский. В боях за Унечу	36
М. Силин. Отрезанные от своих	41
А. Баркан. Штурм Турецкого моста	47
С. Рычков. На «тигра»	53
И. Олинец. Пакет генералу	58
А. Бердников. В тыл врага	60
И. Туров. На реке Дунаец	64
Г. Касимов. Медики гвардии	68
И. Шутов. На Сандомирском плацдарме	72
И. Глушков. Фронтной дом отдыха	76
В. Вайнер. Комиссар	80
А. Косарев. Безамбразурный дот	89
Б. Поляков. «Хирурги» боевых машин	93
С. Вевер. Уральский характер	98
В. Дзык. Дневник комсорга	101
Ф. Дозорцев. Последние километры	110
И. Гилев. Я снова в строю	114
И. Чирков. Через тридцать лет	121
Н. Абрамов. Судьбы солдатские	125
Мотострелки 29-й гвардейской — <i>Слугин Д.</i>	
Герои Советского Союза	130
Полные кавалеры ордена Славы	132

**Гвардейская
шестиорденоносная.**
Эпизоды боевого пути 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригады.

Составитель Н. И. Абрамов.
Литературная запись С. И. Мокроусова.

П. о. зав. редакцией А. Шистеров.
Редактор В. Винецкий. Художник
Е. Нестеров. Художественный редактор
М. Курушиш. Технический редактор
Т. Дольская. Корректоры Л. Крамаренко, Е. Соколова.

ИБ№ 469

Сдано в набор 29/XI 1977 г. Подписано
в печать 31. I. 1978 г. Формат бум. тип.
№ 2 70×90¹/₃₂. Печ. л. 4,25 (усл.-прив. л.
4,97), бум. л. 2,125; уч.-изд. л. 4,374.
ЛБ08016. Тираж 15 000 экз. Цена 25 коп.
Темплан 1978 г. Изд. № 10. Пермское
книжное издательство, 614000, г. Пермь,
ул. Карла Маркса, 30. Книжная типо-
графия № 2 управления издательств,
полиграфии и книжной торговли. 614001,
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.
Зак. 1417.

Г25 Гвардейская шестиорденоносная.
Сборник. Пермь, Кн. изд-во, 1978.
133 с.

Ветераны 29-й гвардейской Упечской мотострелковой бригады, входившей в состав Уральского добровольческого танкового корпуса, рассказывают о боевом пути своего прославленного соединения.

